

The book cover features a dark, atmospheric illustration. At the top, a large, dark, feathered wing or tail extends across the frame. Below it, a grey horse is depicted in a dynamic, almost floating pose. In the center, a large, golden, cylindrical object, possibly a scroll or a piece of wood, is wrapped with a blue ribbon. A bright blue, five-petaled flower with green leaves grows from the base of this cylinder. To the right of the flower, a large, red, fleshy, and toothy mouth or jaw is visible. The background is a dark, swirling, and textured surface, possibly representing a storm or a magical realm. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and blacks, with accents of red, gold, and blue.

Д.ДЖ.ШТОЛЬЦ

16+

НЕБОЖИТЕЛИ СЕВЕРА
ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

Д.Дж. Штольц
Демонология Сангомара.
Небожители Севера
Серия «Демонология
Сангомара», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63317033
SelfPub;
ISBN 978-5-532-98356-4

Аннотация

2-я книга цикла. В мире, где нет места богам, а каждый печется лишь о собственном благополучии, молодой рыбак Уильям искренне верит, что после всего того, что с ним произошло, он обрел любовь и семью. Однако в Сангомаре, пережившим когда-то слияние с миром демонов, не существует счастья, а каждое создание в нем – заложник потребностей, воспоминаний и ошибок. Кто знает, какими мотивами руководствуется тот, кто пообещал помощь и поддержку? Куда заведет тропа судьбы? В сторону светлой и счастливой жизни или, быть может, к обрыву, предательству и смерти?

Содержание

Глава 1. На суд.	4
Глава 2. Малый Уплиш	58
Глава 3. Тарантон, мой дивный конь	71
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Д.Дж. Штольц

Демонология Сангомара.

Небожители Севера

Глава 1. На суд.

Небо над Брасо-Дэнто было затянуто свинцовыми тучами. Непрестанно лил сильный дождь. Изредка он прекращался, давая жителям короткую передышку, а после начинал лить с новой силой, отчего вниз по улицам устремлялись настоящие реки. И горе тому, кто оказывался на их пути! Лишь благодаря уклону город оставался незатопленным, пока в других областях Солрага все плыло: переполненные водоемы выходили из берегов, а сели спускались с гор, разрушая все на своем пути.

За всей этой тоскливой панорамой Уильям наблюдал из окна спальни. Он вспоминал матушку, брата и его жену, а также соседей из Больших и Малых Вардов. У матушки вот-вот должны начаться приступы болезни. Значит ли это, что она не переживет грядущую зиму? Вспоминалась ему и черноволосая Линайя, чей серебряный браслетик покоился в холщовом кошелье. Однако ее образ, эти смеющиеся глаза, в которых плясали чертята, становился все более размы-

тым, а браслет доставался из кошелька все реже. Любил ли он Лину? Или же она просто заменила ему Веритатель?

Так он и дальше вспоминал бы свое прошлое, но его размышления прервал стук в дверь. Отворив дверь, Уильям увидел графа.

– Пойдем со мной, – сказал тот и сделал приглашающий жест. – Выдвигаемся утром. Перед долгой дорогой следует поесть.

Они пошли по коридорам, где колыхался мрак. Замок вздрагивал будто не от стихии, а от энергичных шагов графа. Тот был в походном костюме. Сквозь шнуровку стеганого балахона, доходящего до колен, проглядывала кольчуга, а с левого бока у него располагалась небольшая сума, где лежали письма, печати и кольца. Уильям и Филипп спустились по мокрым от подземных вод ступеням и прошли общее отделение, на удивление почти пустое – там сидело всего трое дрожавших от сырости заключенных.

– А почему так пусто? – удивился рыбак.

– Во-первых, мы уезжаем надолго и здесь остается не так много вампиров. А во-вторых, осенью это отделение тюрьмы бывает подтапливает – и люди начинают болеть, – ответил ему граф.

Перед входом в черный коридор, где располагались камеры-комнаты, как обычно сидел дремлющий охранник. Услышав приближающиеся энергичные шаги, он живо распознал в них хозяина, оттого быстро подскочил и отвесил глубокий

поклон.

– Сколько там? – спросил Филипп.

– Осталось трое, в дальней! – ответил стражник.

Филипп и Уильям прошли коридор до самого конца, хлюпая сапогами по натекающим лужам, и граф откинул засов и распахнул обитую ржавым железом дверь. Изнутри дыхнуло плесневелой влагой и человеческим духом. Это было все то же узилище, где находилась троица братьев-наильников, и как и тогда, сейчас вдоль стен сидели на подстилках трое мужчин в кандалах.

– Лугос? Право, не ожидал я вас здесь увидеть, – вдруг удивился граф, вглядываясь в угол.

Пожилой мужчина, которого позвали этим именем, вскинул голову и тяжело поднялся с лежанки. На его плечах был накинут дорогой плащ из синего сукна, который выдавал в нем весьма обеспеченного горожанина.

– И вам здравствуйте, господин Тастемара, – ответил он.

Понимая, что такому пленнику здесь не место, Филипп все также удивленно вернулся в коридор, где достал из прикрепленной к стене доски сырой пергамент.

– Ах, вот оно что, – произнес он, вчитываясь. – Как же вы так, уважаемый Лугос, не смогли сдержать себя в руках?

– Я и не собирался держать себя в руках, – мрачно буркнул купец, смахивая какие-то лишь видимые ему пылинки с плеча. – Узнай вы о том, что ваша жена изменяла вам пару десятков лет с вашим же торговым компаньоном, а потом

еще и понесла от него, выдав рожденного ублюдка за вашего сына – вы б не закололи ее?

– Кто знает. Но мальчика-то за что?

– Потому что он не мой сын! Угробить двадцать лет, чтобы одеть, обусть, уму-разуму научить и купить дом у Вороньего камня. Да кому! Сыну того, кого называл другом! А я ведь верил этой блуднице, хотя и видел, что Обрахам не похож на меня ни капли! Эти женщины – подлые существа!

– Ох, Лугос, Лугос... – пробормотал задумчиво Филипп, вкладывая сырой лист бумаги обратно в деревянный карман доски, – с таким талантом к торговле, с таким умом и дальновидностью – и столь недальновидно оборвать свою жизнь в тюрьме, убив собственную жену, сына, пусть и не родного, и зарубить своего торгового компаньона...

– Будь у меня выбор, я бы убил всех снова! Одного не понимаю, – и купец нахмурился. – Почему моя голова до сих пор не скатилась с плахи? Смертный приговор должен был быть приведен в исполнение два дня назад. Я обращался к тюремщику, но глух и туп. А когда вы явились сюда, я уж было решил, что оправдан вами, своим покровителем... Но оказалось, вы даже не в курсе того, что я заточен здесь... Так почему я еще жив?

– Это мы сейчас поправим, – вполголоса заметил граф.

Потом он обернулся к своему подопечному.

– Уильям, бери правого! – показал он на одного узника, а сам направился к другому.

Дальше Уильяму осталось лишь вздрогнуть, потому что в движениях графа не было промедления. Едва различимый глазу в этом мраке, он в мгновение оказался рядом с непонимающим заключенным, хищно выкинул вперед только руку — и тот уже оказался мертв. Смерть пришла тихо, расчетливо, и, быть может, это было лучшим ее даром. Филипп притянул к себе не успевшую даже вскрикнуть жертву, чья голова неестественно свесилась, и также неестественно навис над ней. Его почерневшие глаза укрылись за седыми волосами. Пил он тоже без промедления, не находя за свою столь долгую жизнь в этом уже ни игры, ни сладкого удовольствия, а только сухую необходимость.

Однако в узилище продолжала стоять тишина. Только позже Уильям сообразил, что для человеческого глаза все это осталось незамеченным. Узники удивленно глядели на две странно застывшие во тьме фигуры, пока до них, наконец, не дошла суть. Тогда купец Лугос лишь сдержанно смолчал, сделавшись бледным, а второй истошно и протяжно завыл от страха, как чувствующая погибель собака, — и этот вой показался Уильяму оглушающе неприятным. Будто разнесся он по всему замку и залетел в каждую комнату, вылетел в окно и полетел в город, рассказывая о тех ужасах, что творятся в подвалах. Желая все это прекратить, вампир в замешательстве кинулся к воющему и попытался повторить все за графом, чтобы принести такую же скорую смерть. У него вышло лишь отчасти, но, в конце концов, по-

сле непродолжительной, но неуклюжей борьбы и он все-таки присоединился к трапезе, невольно впитывая вместе с кровью и воспоминания.

Остался только один Лугас. Вжавшись спиной в стену, он в безмолвии наблюдал за действиями двух вампиров. У него едва дрожали руки, по лбу стекал холодный липкий пот, но вздрогнул он лишь тогда, когда тело первого простолюдина шлепнулось на солому. Граф, бледный и с окровавленным ртом, повернулся к нему, поглядел из-под бровей.

– Я давно полагал, что ваше долголетие... это результат сделки с демоном Граго... – дрожащим голосом сказал купец, но так и продолжил стоять ровно, стараясь не выказать страха. – С тем демоном, который дает золото, бессмертие, любовь или еще что-нибудь в обмен на душу. Но теперь я вижу, что вы и сами демон... Полагаю, я следующий?

– Да, вы следующий, – сказал граф. Достав платок, он вытер кровь с губ. – Но это сделаю не я...

Тут на пол упал и второй крестьянин, иссушенный до последней капли. Шатающийся Уильям привычно вытирал губы рукавом, стараясь не глядеть на графа и уж тем более на оставшегося Лугаса, который упоительно пах кровью.

– Он твой, – негромко сказал Филипп и показал на купца.

– Я сыт, господин Тастемара... – неуверенно ответил Уильям.

– Нет, одного тебе мало, потому что мы сможем поесть лишь через неделю в поселении, который рядом с границей

Глеофа, — качнул головой Филипп. — К тому моменту, если ты сейчас не наешься, ты уже начнешь недобро посматривать в сторону моих гвардейцев. А мне это не нужно. Пей!

Уильям и Лугос переглянулись.

* * *

А еще чуть позже граф протягивал идущему за ним вампиру чистый платок. Они возвращались назад. Уильям стал замечать, что эти подвалы все меньше пугают его и все более становятся неприятно привычны.

— Ты видел воспоминания? — спросил граф, когда они вдвоем поднимались по ступенькам назад.

— Видел.

— И как ты считаешь, Лугос был прав, когда убил трех людей?

— Тяжело сказать, господин. То, что он узнал, было для него таким большим ударом, что необходимость в наказании стала для него очень важна. Он верил, что поступает справедливо, причем верил всем сердцем.

— А что думаешь ты? — слегка улыбнулся Филипп. — Как сторонний наблюдатель?

— Похоже, я стал бездушным, — вздохнул грустно Уильям. — В этой плохой истории мне жалко только сына. Он же не виновен в том, что был рожден от другого отца. А в глазах купца он один из виновных негодяев. Но это все так непо-

нятно, господин... Мир оказался таким... — и он замялся, не зная, как объяснить. — Таким, что наблюдая его глазами других, я обнаруживаю, что белое видится некоторым черным, а черное — белым.

— Это не бездушие, — тепло посмотрел на рыбака Филипп. — Просто тебе открывается, что мир действительно весьма непрост для понимания. Что ты мог узнать о мире в своих Вардцах, кроме предрассудков? Ровным счетом ничего. Пару месяцев назад ты бы отчаянно жалел всех жертв Лугоса только лишь потому, что они жертвы. А сейчас ты уже пытаешься добраться до истины. Ох, помнится, старина Гиффард всегда мог мастерски растолковать любую ситуацию.

Уильям промолчал. Он шел позади старого графа и касался сочащихся влагой стен. В голове мелькали воспоминания тех двух убитых, и рыбак от этого вздыхал.

— Знаете, господин. Я много думал о том, зачем Гиффард это сделал. Ну, передал дар...

— Ну и?

— И я не могу ничего понять. Разве не нашлось кого-то поблагороднее? Ведь он ведь мог постараться отползти, скрыться, раз уж бессмертен, и передать бессмертие кому-то другому. Но отдать дар мне, простому рыбаку не из благородного рода... Мне кажется, он пытался мне что-то объяснить. Но я так жалею, что не услышал все до конца, — сказал Уильям, отчего-то чувствуя стыд.

– Я тоже постоянно думаю о том, что сделал Гиффард... – признался Филипп, а затем перевел неудобный разговор в другое русло. – Ну, если ты теперь глядишь на некоторые ситуации иначе, скажи-ка мне. Будь у тебя возможность все изменить, ты бы оставил мать и убежал от вурдалаков, пока те тебя не истрепали?

– Нет! – последовал слишком резкий ответ.

– Почему? Разве твоя жизнь, жизнь молодого мужчины, если смотреть также объективно, не важнее жизни старой женщины, которой и так осталось жить от силы пару лет? Попробуй порассуждать об этом здраво, – Филипп развернулся и посмотрел в глаза собеседнику.

– Это же семья, господин! – пробормотал в ужасе Уильям. – Как можно даже просто рассуждать о том, чтобы предать своих близких ужасной смерти? Что это, как не предательство?

От этого граф Тастемара только промолчал и зашагал дальше. Вскоре ступеньки кончились, и двое вампиров поднялись из подвала. Брасо-Дэнто еще не тронул рассвет, а дождь продолжал заливать город, находящийся во мраке. Залы замка были пусты, многие слуги спали в своих постелях, и лишь конюхи заботливо готовили коней для господ.

* * *

Внизу собралась вся прислуга.

Пока остальные прятались в глубинах зала от влетающего между приоткрытых створок ветра, Уильям переминался с ноги на ногу около двери. На нем был надет черный гамбезон – длинная и очень плотная, до колен, верхняя одежда из нескольких слоев ткани. Увидев графскую дочь, он коснулся пояса, где были подвязаны пустые ножны, и тихо засмеялся:

– Не пойму, зачем мне ножны, если не дали меча.

– Тебе просто выдали один из перешитых под тебя костюмов отца – снова эта воронья вышивка. Ну и ножны в довершок, – натянуто улыбнулась Йева.

– А почему ты тоже одета, как в дорогу?

– А я поеду с вами, – опустила глаза девушка.

– Так это же замечательно! – обрадовался Уильям.

– Да... но, погода совсем скверная. Может, лучше сейчас не ехать... Может, и не нужно ехать вообще, – и она прикусила язык, оборвала разговор и ушла.

Уильям непонимающе посмотрел, как Йева удалилась к своему брату и встала рядом, с наигранным интересом следя за Таки-Таки – ворон сипло каркал и требовал тепла. В зал бодрым шагом вошел сэр Рэй Мальгерб. С него ручьями стекала вода. Снаружи продолжал биться в неистовстве ливень, пытаясь затопить замок, и многие присутствующие радовались тому, что остаются. Поприветствовав кого следует, рыцарь заметил обвитую плащом фигурку дочери графа и устремился к ней.

Он со страстью припал губами к ее руке.

– Откуда в вас столько сил? – с теплотой спросила Йева.

– Вот увидел вас, госпожа, сразу силы и появились! – лицо рыжеволосого мужчины озарила улыбка, сверкнули белоснежные ровные зубы. – А до этого был как мокрая рыба, которую выбросило на берег! Но отчего вы сами в таком печальном расположении духа? Неужто из-за неподобающей погоды?

– Да, погода не располагает к поездке.

– Не располагает, дочь моя, но мы заложники ситуации, – сказал спускающийся по лестнице граф. – Сэр Рэй, все готово?

– Конечно, господин! – поклонился рыцарь, гремя доспехами. – Двенадцать гвардейцев, включая меня и моего оруженосца, готовы к отправлению!

Наступило время отбытия. Граф строго оглядел всю прислугу.

– Я надеюсь, вы не развалите замок за время моего отсутствия, – обратился он к своим помощникам, хотя его синие глаза улыбались.

– Господин, да как вы так можете говорить про нас! Мы – ваши глаза и руки, а когда они вас подводили? – шутливо возмутился казначей Брогмот и снял с себя свою смешную шапочку с пером ворона.

– Я присмотрю за своим внуком... Сколько смогу... – старик Него скромно вышел вперед.

Филипп смерил взглядом своего бывшего управителя и вслушался в его трепыхающееся, как у воробья, сердце. Него Натифуллус дышал с большим трудом, а за пару дней он сильно иссох: глаза и рот впали, скулы заострились. Грустно улыбнувшись, граф подошел к старику и ласково приобнял его, погладил по спине. Толпа вокруг замерла в непонимании.

– Спасибо тебе за все, мой друг, – едва хрипло произнес граф.

– Все вы знаете и чувствуете, мой господин, – измученная улыбка тронула губы Него. – Прощайте, господин. Я был рад служить вам!

Держась за поданную руку внука, бывший управитель отошел от графа и смахнул набежавшую слезу. Все поняли, о чем шла речь, и опечалились. Филипп развернулся и быстро ступил под дождь, а за ним последовали его дети и длинноногий Уильям. Понимая, что больше не увидит доброго старика, Йева не выдержала и мягкосердечно, тихонько заплакалась.

В большом дворе отряд из девятнадцати человек, семеро из которых были не совсем людьми, стали взбираться на лошадей. Вороной конь графа, пугающий своими размерами, возбужденно бил копытом по земле, и Уильям настороженно косился на него. Но, к счастью, к нему подвели уже оседланную серую кобылку, самую спокойную из всех, отчего он выдохнул от облегчения.

– Сэр Рэй, выдайте нашему гостю меч, – вспомнил уже восседающий в седле Филипп. – Негоже с пустыми ножнами отправляться в путь.

– Да-да, вы правы, запомятовал! – извинился рыцарь и передал замотанный в ткань меч, взятый из оружейной палаты.

Уильям растерянно развернул этот мокрый сверток и осторожно вынул меч за рукоять, будто змею за хвост. Только со второго раза он смог попасть в тугие ножны, отчего всадники вокруг заулыбались. Всем им ясно увиделась эта неумелость.

Сэр Рэй нахмурился.

– Вы что, держите меч в первый раз? – спросил он. – Клинок рядом с гардой обычно не затачивают, так что могли спокойно взяться и за лезвие.

На это Леонард громко рассмеялся. Он поправил притороченный к седлу лук и воскликнул, чтобы перекрыть шум дождя и донести произнесенное до всех:

– Он больше по удочкам, сэр Рэй!

В толпе солров послышались смешки.

– Довольно! – рявкнул граф и направил коня к воротам, где охрана уже поднимала железную решетку.

– Да, я никогда не держал раньше меч, – смущенно пробормотал Уильям и мягко подтолкнул кобылку пятками.

Длинная вереница всадников покинула внутренний двор замка. И хотя по улицам зло устремлялись ливневые потоки, а крыши гремели дождем, некоторые горожане выбегали

на улицу наспех одетыми. Темно-зеленая попона с распрости-
ршим крылья вороном украшала графского мерина, и ко-
гда люд признавал ее, то по всей толпе прокатывался востор-
женный клич.

В авангарде двигалось шесть человек сопровождения вме-
сте с сэром Рэем и его оруженосцем. В середине был старый
граф, за ним его сын, а еще дальше, почти поравнявшись,
ехали Йева и ерзающий в седле Уильям. Замыкали хвост
гвардейцы и слуги: Эметта и еще двое замковых поваров.

Косой ливень лил без остановки, и отряд закутался в пла-
щи, предчувствуя тягости долгого пути. Резко налетевший
ветер, который разгонялся на равнине, как конь на воле,
срывал капюшоны, поэтому приходилось их придерживать.
Под копытами бурлили грязевые потоки вод. Отряд проехал
по мощёной Парадной улице и покинул город. Всем открыл-
ся врытый сбоку от высоких ворот тотем Ямеса – выдолб-
ленное в камне старческое лицо, грозно сдвинувшее брови.

Неумело управляя лошадкой, Уилл с любопытством рас-
смотрел это недовольное лицо, а затем заторопился, чтобы
не мешать едущим позади. Всех остальных этот тотем мало
интересовал.

Они двинулись по широкой дороге, пролегающей между
кучкующихся вокруг поселений, через бесчисленные поля,
где уже давно сняли урожай. Жирная черная земля слива-
лась с небом, и все вокруг было уныло. Прибитый к гриве
пыхтящей кобылки Уильям кое-как разглядывал гвардейцев.

Они, высокие, крепкие, как на подбор, облачались в сияющие нагрудники поверх поддоспешников, закрывающих колени. Головы их защищали легкие конусообразные шлемы в виде полумаски, а плечи – несколько пластин, крепленных друг к другу внахлест. Поверх доспехов были надеты плащи черного цвета. Питая особую любовь к символу своих земель, ворону, воины украшали его смоляными перьями все подряд, в том числе и уздечки своих коней. Крепленные к седлам сбоку круглые зелено-черные щиты тоже несли на себе символ этой мудрой, по мнению солтров, птицы.

Увидевший повсюду перья своих братьев ворон, который ехал под плащом Леонарда, недовольно закаркал:

– Перья! Негодяи!

Все вокруг рассмеялись, и ненадолго это тягостное ощущение из-за непогоды рассеялось, чтобы тут же сгуститься вновь. Обернувшись на удаляющийся город, Уильям вздохнул в предчувствии скорейшего разрешения своей судьбы. Несмотря на дождь и слякоть, он воодушевленно представлял, сколько же всего его ждет в пути. И вот, поерзав в седле с непривычки, он приготовился к долгой дороге.

* * *

Отряд находился в пути весь день. Дождь поутих только ближе к ночи. Гора, у которой лежал Брасо-Дэнтто, осталась далеко позади, на северо-западе, а ее мрачный силуэт

терялся в сгущающихся красках наступающих сумерек. Перекусившим ячменными лепешками воинам хотелось нормально поужинать, покормить коней и улечься спать, поэтому на ночлег все остановились в попутном Ферранте. Наутро все, выспавшись, набрали в Ферранте провизию и отправились дальше по размытому тракту.

Уильям вывел свою серую кобылку из денника. Кое-как, совершенно не умеючи, он оседлал ее и перебросил седельную суму через заднюю луку.

Из небольшого города они попали на широко раскинутый луг – из-за разлива реки он превратился в пойму. Со слов гвардейцев, которые часто выезжали с графом и потому знали все ближайшие окрестности, Уильям выяснил, что на протяжении нескольких дней им придется ночевать под открытым небом. День постепенно истончался, а тучи иной раз расходились – и тогда можно было скинуть капюшон и осмотреться. Впрочем, смотреть было особо не на что. Кони брели по приподнятой над землей дорогой, а справа и слева от них раскинулись озера, в которых отражались хмурые тучи.

Когда стало темнеть, сэр Рэй подъехал к графу.

– Господин, впереди Белая Бетса, – сказал капитан. – Там, дальше, мост, а перед ним – высокий холм. Давайте остановимся на ночлег на том холме, чтобы не спать в луже.

Граф не отвечал. Он рассматривал мутные речные воды.

– Если нет, то можно устроиться на ночлег и за мостом, –

продолжил капитан, думая, что господина что-то не устраивает.

– Ждите здесь, – после минутных раздумий ответил Филипп. Затем он направился к волочащемуся в хвосте Уильяму. – Ну как, освоился в седле?

Уильям довольно кивнул.

– Хорошо, следуй со мной.

Без лишних слов Филипп движением пяток ускорил коня, который сошел с дороги и побрел по жухлой мокрой траве, порой проваливаясь по колено в грязную жижу. Чтобы не отставать, его спутнику пришлось ласково поторопить свою серую кобылку, и она, повинувшись, затрусила следом. Чем ближе они становились к реке, тем беспокойнее вглядывался граф в окрестности.

– Вы чем-то встревожены? – спросил Уильям.

– Это старая дорога, – ответил Филипп. – И осенью мало кто ей путешествует, так что нужно быть настороже.

– Но в чем опасность? Если нет людей.

– Тебе ли не знать, Уильям, – сказал граф, едва улыбаясь. Он подъехал к берегу реки и остановился. – Там, где нет людей, обязательно будет кто-нибудь другой. Многие демоны предпочитают первородные земли. Им не по нраву города и поля, а также наши сады. Так что нужно убедиться, что ничто или никто не выскочит на нас из реки.

Уильям тоже оглянулся. Они остановились на грязевом берегу крупной из-за паводков реки, которая обычно воду

имела белую, за что и получила имя Белой Бетсы. Сейчас же вода была мутна из-за грязи, песка и ила, а вокруг нее раскинулись бескрайние равнины, где местами прорывались одинокие и чахлые деревца. Но помимо скудной природы здесь больше ничего не имелось – а если бы имелось, то точно не осталось бы незамеченным.

– Вроде ничего страшного, – тихо заметил Уильям.

– Вроде да... – пристально взглянул на него граф.

Они начали возвращаться к поджидающей группе, и граф дал добро на бивуак. Пока гвардейцы занимались обустройством, Йева и Леонард, понимающие, зачем их отец отправился к Белой Бетсе в сопровождении рыбака, смотрели на него в нетерпении. Тот незаметно для молодого Уильяма пожал плечами – кельпи не появилась.

* * *

Ближайшие куцые деревья были срублены. Прислуга достала утварь и, с трудом разведя огонь на сильном ветру, поставила котелок на треножник. Туда полетели лук, зерно для похлебки. Сидевшая на лежанке служанка Эметта подшивала оторвавшуюся с плаща Леонардо фибулу, недовольно поджав губки – ветер трепал ее работу, зло раскидывал ее длинные мышинные волосы. Йева же сидела на берегу на камешке и любовалась закатом: скудным и унылым из-за далекой тучи, перекрывающей солнце. Туча стремительно при-

ближалась, всем своим видом грозя затяжными дождями.

Уильям расседлал серую кобылку и тоже глядел на горизонт, не находя себе занятия. Здесь в отряде каждый знал свое дело, и лишняя помощь могла оказаться помехой. Но скоро к нему подошел сэр Рэй, который остался в красном поддоспешнике и даже без доспехов напоминал медведя.

– Вы вроде рыбак? – осторожно спросил он, поначалу считая, что Уильям вырос в зажиточной семье, но шутка графского сына заставила его отказаться от этой гипотезы.

– Да.

– Пойдемте со мной, – а когда они пришли к берегу, рыцарь показал на удочку. – Я сказал прислуге взять удочку, чтобы мы не жрали в дороге одни лепешки да вяленое мясо, – и он принялся бурчать. – Но что я делаю не так, а? Чертову наживку я прикрепил, что этой треклятой рыбе еще нужно?

– Хм... – задумался Уилл. – Врать не буду, в таких спокойных водах я ничего не ловил и не ведаю, какая рыба здесь водится. Но предположу, что ее неплохо было бы подкормить.

– Чем? Или скорее, как? Видите, как далеко приходится кидать удочку – у берега слишком мелко из-за разлива!

С просьбой немного подождать Уильям побежал к поварам. Осмотревшись на месте стоянки, он подобрал холщовый мешочек из-под лука, затем полез к котлу, над которым колдовали двое слуг – те спорили меж собой касаясь при-

прав. Прислуга почтительно расступилась. Молодой спутник графа взял из рук одного деревянный черпак, нагреб в мешочек немного разваренной пшеницы, затем скрутил его. Он вернулся к ждущему его капитану и передал ему эту импровизированную прикормку.

– А я как-то и не додумался... – рыцарь почесал затылок. Мешочек со шлепком плюхнулся в реку.

Чуть погода, после разрешения рыбака, Рэй закинул удочку в указанное ему место. Мужчины нахмурили брови и настойчиво вперились в воду, как охотники, поджидающие добычу. Прошло несколько минут. Наконец, удочка подернулась, и рыцарь резко потянул на себя – на крючке извивалась серебристая толстотелая рыба.

– Давайте еще! – сказал Уильям.

– Сколько же их там! – азартно воскликнул рыцарь. Чуть дальше по течению бурлила вода – рыба поедала прикормку.

Пока решивший развлечься капитан и Уильям вылавливали одну рыбину за другой, забавляясь, за ними внимательно следили. Стоящий на достаточном отдалении, на пригорке, Филипп задумчиво переводил взор то на темную реку, то на рыбака. К нему изящной походкой подошел его сын и презрительно ухмыльнулся:

– Ну и где его хваленая кобылица?

– Еще не вечер, сын, – заметил граф Тастемара. – В любом случае, мы живы и целы, так что если он и сказал правду, то вряд ли нам что-нибудь угрожает. А если соврал... что же,

тогда нам тем более ничего не угрожает.

А между тем, сумерки сгущались.

– Ничего себе, – восхищенно говорил рыцарь, доставая уже седьмую по счету рыбину. – Нужно будет в Брасо попробовать так половить – на зерно.

– Там течение стремительное. Оно быстро унесет прикормку, – улыбнулся Уильям такому понятному для него факту. – В горных реках вода прозрачная, а рыба там сильная, быстрая. И если она увидит опасность, может не взять наживку. Ловить ее нужно иначе.

– Целиком согласен! – сэр Рэй подскочил с корточек и сгреб пойманную рыбу. – Похоже, сегодня с наваристой ухой мы припозднились, но вот завтра нас с вами ждет славный завтрак.

– Похоже на то, – улыбался Уилл, готовый уйти.

– Подождите, подождите, не торопитесь! Послушайте, если у вас будет желание, то я могу поучить вас фехтовать, – рыцарь замялся, не зная, как бы деликатнее объяснить. – Все-таки путь предстоит тяжелый – и всякая дрянь может произойти.

– Я буду благодарен вам, сэр Рэй. Правда, боюсь... это будет скорее не учебой, а посмешищем.

– Понял вас! Тогда предлагаю заходить для этого куда-нибудь за холмы.

– Хорошо, спасибо...

– На здоровье! Начнем прямо с завтрашнего вечера.

Покидав рыбу в мешок, капитан присел на лежак подле трещавшего искрами костра. Оруженосец передал ему деревянную миску с похлебкой, и Рэй быстренько с ней разделался. Закусывал он ячменными лепешками и вяленным мясом, взятыми из Брасо-Дэнто.

В потемках все громко стучали ложками по дну посуды, выгребая и выпивая все досуха. Только Филипп, его дети, Уильям и трое слуг сидели, укутавшись в плащи, и смотрели на голодных воинов. К еде они не прикоснулись. Затем со стороны сытых гвардейцев слышались традиционные молитвы и восхваления Ямеса за предоставленный ужин.

Свалив посуду в кучу, все разошлись по лежанкам, укрылись плотными стегаными льяниками и тут же провалились в сон. Слуги перемыли в реке деревянные миски с ложками, вычистили чугунный котелок и присоединились к спящим. Только два дозорных, расхаживая, караулили отдыхающий отряд. Леонард и Эметта лежали подле друг друга под одним широким льяником, а Йева свернулась калачиком на соседней с графом подстилке. Один только Уильям бросал тоскующие и долгие взгляды в сторону реки. Время от времени ему казалось, что на него смотрит бодрствующий Филипп, но, в конце концов, и граф решил подремать, укрылся льяником и вроде бы впал в забытие.

Уильям выждал, поднялся, бесшумно переступая через спящих вокруг затухающего костра людей. Так он покинул лагерь... Затем он спустился с холма и зашел за другой, покряжистее, но меньше, — дабы исчезнуть из поля зрения часовых.

Вдоль бережка он неспешно шагал четверть часа, пока не остановился. Ночь дышала сырой осенью. Тихая гладь разлившейся из-за паводков реки была сродни зеркалу, и ничто не нарушало красоту отражающихся луны и звезд. Лишь изредка налетал хозяйничающий на этих просторах ветер — и тогда по воде пробегала недолгая мелкая дрожь, однако спустя миг красота разравнивалась и вновь застывала.

— Вериатель, — шепотом позвал мужчина.

Где-то у берега вдали плеснулась рыба.

Тишина.

— Вериателюшка... — он позвал уже чуть громче.

Он начал беспокоиться, что кельпи не явится. Его угнетала эта долгая разлука. Разочарованный Уильям хотел уже было подняться с валуна и вернуться в лагерь, как в середине реки забурило.

Из сомкнутых вод, будто по ступеням, взобралась темно-мышастая кобыла. Она медленно побрела в сторону берега, качая большой головой из стороны в сторону. Кельпи шла

по лунной дорожке; ее глаза тоже светились желтой луной, хвост подрагивал, а копыта касались воды, словно земли. Наконец, она сошла на каменистый берег, повернула к зовущего морду – и на него поглядели ясно-голубые глаза.

Уильям словно вернулся в детство. Счастливый, он подбежал и обнял морду кобылы, поцеловал ее в красивый лоб, погладил по бархатистой шее.

– Ты не представляешь, как я скучал! – ласково произнес он, прикрыв глаза. Он вдыхал илистый теплый запах, что был для него таким родным.

Вокруг него задрожал воздух.

Шею рыбака обвили вечно холодные ручки, отчего его гамбезон сразу же отсырел. Уильям открыл глаза и увидел смеющееся лицо Вериатели. Он приобнял ее за худенькую талию, и тут уже даже его рукава сделались мокрыми от серого платышка, которое никогда не было сухим. Истосковавшись по ней за долгие полгода, он ласково посмотрел на нее и поцеловал – на губах остался привкус тины.

– Ты знаешь, – начал рыбак. – Столько всего произошло с той поры, когда ты спасла меня у озера!

От этого Вериатель рассмеялась и с фырканием вырвалась из сплетенных вокруг нее объятий. Вскидывая ножки, на которых красовались сандалии с ленточками, она навеселе заплясала. Еще некоторое время она совершала свой дикий, никому непонятный танец, по которому ее избранник понял – она радуется. Затем она также резко замерла. Довольно

тряхнув черными как смоль волосами, причем тряхнув ими так, словно это шелковистая грива, она обернулась.

Всплеск. И гладь реки вновь заволновалась, а из воды на поверхность теперь поднимались другие кельпи. Удивленный Уильям наблюдал, как сначала одна лошадь, юная, с лоснящимися черными боками и длинной гривой, подставилась под звезды. За ней показалась вторая, белоснежная и крупная, – жеребец – он последовал за кобылой. Потом из темных глубин возникла третья голова, четвертая и, наконец, пятая. Грациозно покачиваясь, пятеро лошадей выбрались на берег и двинулись в сторону пары. Они шли немного боком, склонили головы и глядели на чужака подле их сестры, а в их умных глазах также призрачно светила желтая луна.

Уильям сделал шаг назад. Но Вериатель удержала его за руку, и он остановился – он доверял ей. Прекрасные кони, все как на подбор величавые и гордые, подошли и стали обнюхивать рыбачка, не касаясь.

Юная кобыла, черная, как ночь, и только вышедшая из возраста жеребенка, приблизилась и тряхнула мордой. Она шумно втянула воздух, потом чуть приподняла хвост, наострила уши. Затем она радостно-весело заржала. Сделав еще шаг вперед, кобыла сама потерлась о ладонь Уильяма. Затрещало, и в воздухе скользнула голубая искра – такая же, как много лет назад на Сонном озере... Уилл погладил эту кобылу за холкой, отчего та фыркнула и склонила шею.

Вериатель отчего-то довольно рассмеялась, словно эта

встреча пришлась ей по душе. Она прыгнула в сторону – и в один миг перевоплотилась в темно-мышастую лошадь.

Остальные кельпи, которые растеряли всякий живой интерес к вампиру после обнюхивания, развернулись и стали медленно возвращаться к воде. Вороная и темно-мышастые кобылы, пританцовывая, заржали, попрощались, потрясли гривами и последовали за ними.

Завороженный Уильям смотрел, как все кельпи перешли на рысь и поскакали по глади реки дальше по течению. Время от времени какая-нибудь из них игриво ныряла в воду и выскакивала сбоку от другой лошади, обдавая брызгами, на что та отвечала веселым ржанием.

Резко похолодало. Темная туча начала наползать на луну и россыпь звезд; поверхность реки почернела, и кельпи пропали где-то во мраке, который уже не мог раздвинуть даже взгляд бессмертного. Тогда Уильям присел на каменистый берег и, потирая пальцы, задумался о вороной кобыле. Неожиданно за спиной что-то тихо хрустнуло... Рыбак резко обернулся. На вершине холма стоял, присогнувшись, граф Тастемара – возвращаясь назад в бивуак, он по неосторожности наступил на ветку, сокрытую под сгнившей травой. Понимая, что раскрыт, он спустился по мокрой земле к Уильяму.

– Извини, не удержался, – как-то неловко, впервые смутившись за долгое время, произнес он. – Я знал, что ты пойдешь звать свою кельпи – и мне захотелось увидеть это соб-

ственными глазами.

– Но вы же спали... – улыбнулся широко Уильям.

– Это был тактический прием, – лукаво ответил Филипп и уселся рядом.

Они оба в молчании уставились на черную гладь реки, завернувшись в теплые плащи. Каждый размышлял о своем – никому не хотелось нарушать это мимолетное очарование увиденного, пока граф не произнес тихо:

– Я и не думал, что когда-нибудь увижу их еще... Такое чувство, будто вернулся в детство – в Алмас, к реке Брасо.

– Их раньше было больше? – спросил Уилл.

– Конечно! – сказал граф и принялся вспоминать. – Знаешь, Уильям, когда я был совсем мал, еще мальчишка, то часто видел их там, на горизонте огненного заката. Или в серой дымке утра, когда приходил на реку с удочкой, а они шумели в камышах. Их много было. И никто раньше не удивлялся тому, что из воды могла, например, вылететь рыбина и шлепнуть по лицу. Характер-то у кельпи вредный, своеобразный.

– Быть может, они и перебрались сюда из Алмаса.

– Не исключено, – сказал Филипп. – Тут на полдня пути ни одного поселения, зеленые пойменные луга и много рек. Им здесь раздолье.

– И все же странно, что Вериателюшка слышала мой зов... – Уильям задумчиво сцепил пальцы под подбородком.

– Не стоит недооценивать их возможности. Мне кажется,

в их власти появиться из любой реки, озера или даже дождя. Скорее всего, просто твоя кельпи была рождена вблизи Сонного озера. Впрочем, как и та вороная кобыла, самая юная из всех, – и граф хитро посмотрел в сторону резко раскрасневшегося Уильяма, увидел его обескураженное лицо и расхохотался.

– Да я... Ох... господин, это же вилами по воде...

– Да-да, – Филипп с задорным смехом толкнул его локтем.

– Честно признаться, – улыбнулся Уилл, – когда они вышли из воды, я уже мысленно простился с жизнью.

– Да я тоже с тобой попрощался, что уж говорить-то, – Филипп достал платок из подвязанного к поясу кошель и стал вытирать мокрые от смеха глаза. – Наемники с юга. Высшие маги. Кельпи. Вторая кельпи. И все это за каких-то полгода! Ох, Уильям, откуда ты такой свалился мне на голову?

– Из Малых Вардцев, господин, – ответил тот, плутовато сощутив синие глаза.

Филипп вздохнул, набрал полную грудь и шумно выдохнул. Когда он успокоился, то крепко призадумался и, как показалось Уильяму, даже помрачнел. Чуть погода граф встал с бережка, отряхнул плащ.

– Ладно, пойдем назад в лагерь, Уильям из Малых Вардцев, – произнес он насмешливо, но беззлобно, и стал медленно подниматься по мокрой и скользкой земле на холм.

Лагерь по-прежнему был погружен в сонное царство, и лишь сменные часовые осоловелио оглядывали унылые рав-

нины, насколько хватало остроты их зрения. Они непонимающе взглянули на прогуливающихся в ночи господ, хотя виду и не показали – была б их воля, они бы уже спали без задних ног, а не стояли на карауле.

* * *

К рассвету черная туча полностью покрыла небо и извергла из себя дождь. Хлюпая по грязи, слуги заторопились водрузить навес над закипающей в котелках ухой. Два вампира-слуги – Чукк и Грон – совершенно мокрые, получившие упрек от графа за несообразительность, но довольные, что спасли еду, теперь горячо спорили у полевой кухни.

– Брат мой, – упер руки в бока Чукк, – я тебе еще раз говорю, что в уху надо положить окимон!

– Тут рыба тиной пахнет, чуешь? А?

– Ну, чую.

– Так окимон только обострит. Не клади его!

– Нет, он наоборот уберет запах, – возразил Чукк, подсыпая в кипящую уху травы.

– А вкус? – взмахнул руками Грон. – Вдруг вкус станет хуже, балбес? Ты в первый раз что ли готовишь рыбу из тихих илистых рек?

Между тем, взбодренный утренним проливнем капитан подошел к котелку. Он потянул носом ароматный запах. В животе у него, как у всякого здорового мужчины, занятого

делом на свежем воздухе, тут же громко заурчало. Увидев капитана, спорящие повара одновременно обратились к нему:

– Вот, сэр Рэй, не откажите нам в просьбе!

– Чего такое? – спросил гулко рыцарь.

– Попробуйте уху... Вкус тины ушел? – спросил Чукк.

Сэр Рэй взял поданную ему поварешку и прихлебнул суп.

– Недурно, весьма недурно! Вкусный и наваристый супец выходит. Нет никакого вкуса тины, – ответил он медленно, потом развернулся к слугам. – А что вам самим мешает попробовать?

– У нас вкус приглушен после болезни.

– В детстве переболели, – оправдались в один голос братья.

Вскинув в удивлении свои рыжие брови, рыцарь пошел отдавать приказы, чтобы после завтрака все быстро выдвинулись в путь. Еще чуть позже из-под навеса послышался ожесточенный стук ложек – это гвардейцы с упоением выгребали уху из мисок, царапая деревянное дно. «О Ямес, прими наши благодарности за столь вкусный завтрак!» – доносилось до ушей Уилла. Он находился подле Йевы, помогая ей уместить разбухший льняник в седельную сумку. Поглядывая на слуг, он тихо спросил:

– Повара-вампиры – это такая шутка?

Графская дочь пряталась под капюшоном и беспомощно наблюдала, как мокнувший рыбак упаковывает ее вещи.

– Да, звучит странно, – слабо улыбнулась она, вздрагивая

от порывов косого дождя. — Ты не поверишь, но Чукк и Грон готовят получше многих людей.

— Но они же даже не могут пробовать то, что готовят, — наконец, Уилл упаковал все вещи в седельную суму.

— Ну, да... Это чудно. Отец тоже до сих пор удивляется!

Разобрав бивуак и взобравшись на лошадей, отряд двинулся дальше. Растянувшись вереницей, всадники ехали поодаль друг от друга, укрываясь под плащами. Зарычал гром; слепящая молния ударила в сухонькое дерево в ста васо от дороги, и оно вспыхнуло ярким костром. Йева вскрикнула, испуганно прижалась к лошади, которая в отличие от своей наездницы терпела непогоду стойко, спокойно.

Пользуясь случаем, к сэру Рэю подъехал его оруженосец.

— Господин, — обратился оруженосец. Он был невероятно юн, неуклюж и излишне прыщав.

— Да, Винсент, что такое?

Винсент, попавший в услужение совсем недавно, еще раз предусмотрительно огляделся. Так как все сильно растянулись, а ближайшие всадники были на расстоянии пятнадцати васо, то он решил, что его заглушенный хлеставшим дождем вопрос никто не услышит.

— Господин, а вы заметили кое-что? — возбужденно спросил он. — Ведь ни граф Тастемара, ни его дети, ни тот высокий мужчина и даже слуги — они со вчерашнего вечера ничего не ели! А сегодня утром слуги даже потребовали, чтобы вы попробовали уху — а сами к ней не прикоснулись. Все они

просто смотрели, как мы сидим да жуем! Да что уж там, они даже в отхожее место ни разу не отлучались!

– И что здесь такого?

– Неужели это не странно? – удивился мальчишка.

– Нет, – раздраженно ответил рыцарь.

– Но... Я слышал о графе тако-о-ое... – протянул последнее слово Винсент. – Что он не человек... Как и многие из его замка. Неужели это правда?

– А тебе так важно, кем является граф?

– Ну... да, господин. А как же иначе?

На это капитан только резко спросил:

– Винсент, твое брюхо когда-нибудь вспухало голодом?

Оруженосец даже опешил от такого необычного вопроса. Он быстренько помотал головой, да так быстро, что у него от этого даже слетел капюшон. Чувствуя, как стало заливать за шиворот, юноша торопливо нахлобучил его назад.

– Знаешь, почему не вспухало? – продолжил капитан. – У нас самые богатые земли в этой области Севера, Винсент! Все те, кто севернее, завидуют нашему благосостоянию и сытости. Наши земли постоянно принимают людей из Офурта, Филонеллона и прочих земель Крелиоса – они перебираются к нам со своими пожитками! И какая, демоны тебя побери, разница, кто нами правит? Пусть хоть сами приспешники Граго!

– Но... – попытался возразить Винсент.

– ... никаких «но»... Не смей даже рот открывать с таким

вопросом! Наше дело простое – служить тому, кто о нас печется. Тебе ясно, дурак? – и сказанное капитан подтвердил грозным взглядом.

Оруженосец спешно закивал головой, придерживая рукой капюшон, и, покрасневший от смущения, тут же отстал от рыцаря. А затем он почувствовал, как горит его спина, обернулся – и заметил, что на него внимательно смотрит граф Тастемара, не отводя глаз. Между прочим, граф ехал сильно далеко от них всех и слышать ничего не мог, поэтому Винсент пугливо вздрогнул и тут же втянул голову в плечи.

* * *

К обеду распогодилось, и туча лениво уползла на север. Все в отряде скинули капюшоны, отряхнулись и облегченно вздохнули – эта сплошная и непрекращающаяся череда дождей всех утомила. Леонард, натянув поводья своего гнедого коня, сравнялся с Йевой. Сблизившись с ее кобылой так, что продетые в стремяна сапоги близнецов потерялись друг о друга, он довольно заметил:

– Я рад, что ты поехала со мной, сестра.

– Рады! Рады! – добавил сидящий на его наручах ворон.

– Да, спасибо отцу. Я хотя бы увижу Йефасу, о которой столько рассказывал Гиффард... – и Йева натянуто улыбнулась, закуталась покрепче в плащ.

Леонард ответил на ее улыбку своей, более заливчатой,

умудряясь и не обнажать клыки, и демонстрировать белоснежный ряд передних зубов.

– Смотри, вон там, справа! – указал он пальцем, затем снял притороченный к седлу красивый резной лук. – Накопец-то опробую свой заказ! Три недели назад забрал в городе у Мартилона. Ну, ты его знаешь. Он сделал лук из составных частей, как это делают мастера глеофяне: тут черный тис, рог и сухожилия. Вот, гляди.

Он достал из колчана стрелу. Едва прищурившись единственным глазом, он выждал, глубоко вздохнул и на выдохе спустил ее с тетивы. Подлетевший от этого ворон каркнул: то ли одобрительно, то ли гневно, – и вернулся на кожаные наручи. Тетива тоненько зажужжала, и с победным вскриком Леонард направил мерина в сторону от тропы, где, выскользнув из седла, склонился к земле и поднял из гнилой травы жирного зайца.

– Смотри, какой жирок нагулял за лето и осень, а? – заяц демонстративно был поднят ввысь, и по губам Леонарда скользнула самодовольная улыбка.

Воины Солрага с уважением переглянулись и поздравили графского наследника с удивительно метким выстрелом.

– У вас зоркий глаз и верная рука! – сказал сэр Рэй.

– Глаз! Вкусный глаз! – каркнул ворон.

– Спасибо, сэр Рэй, – ослепительно улыбнулся Леонард, щелкнув птицу по клюву. Где-то сзади, в конце отряда, выглядывала Эметта, пытаясь увидеть, что происходит с ее лю-

бовником. — Мы же с вами родом из горного Филонеллона, а самые меткие лучники, по легендам, обитают именно там.

— Это чистая правда, соглашусь с вами, — хитро улыбнулся сэр Рэй, затем, кинув быстрый взгляд на графскую дочь, уже чуть тише добавил. — А еще легенды гласят о том, что самые прекрасные девушки в мире, с глазами цвета изумруда и словно рожденными из пламени волосами, тоже родом из Филонеллона.

Услышавшая это Йева покрылась румянцем и отвернулась, покусывая нижнюю губу. Compliments рыцаря были хоть и просты, но всегда находили отклик в её сердце.

Леонард закинул зайца в мешок.

— Как тебе выстрел, моя любимая сестра?

— Замечательный, Лео. Впрочем, как и всегда. То, что ты будто рожден на коне и с луком в зубах — уже всем давно известно.

— Быть может, ты права... — и Леонард на миг обернулся на рыбака. — Все мы рождены для чего-то и с чем-то. Кто-то с мечом, кто-то с луком, а кто-то — и с удочкой, — расхохотался он и поправил повязку на глазу. — Кстати, как вам утреннее варево, сэр Рэй?

— Если не вдаваться в гастрономические нюансы, то недурно, — сдержанно улыбнулся тот. — Вчера был хороший улов.

— Ну конечно, как иначе! Рожденный с удочкой в руках никогда не оставит отряд голодным, — Леонард снова посмот-

рел в сторону рыбака, желая увидеть хоть что-нибудь на его лице.

Но Уилл ехал с невозмутимым видом, отстраненно разглядывая что-то в стороне – будто и не слышал. Хотя зоркий наблюдатель, например, как граф Филипп, который внимательно посмотрел через плечо, вполне мог бы заметить некоторые выдающиеся тревогу признаки. Вцепившись побелевшими костяшками в поводья, черноволосый рыбак пытался не обращать внимания на поддевки. Он уже сталкивался с таким в детстве, но, понимая, зачем это нужно было деревенским юнцам, он не мог взять в толк, почему это делает взрослый сын графа. Чем же он ему не угодил?

– Вообще-то рыбу ловил я, – вдруг заметил сэр Рэй.

Поначалу Леонард непонимающе уставился на капитана, а чуть позже к нему пришло осознание – то, что казалось остроумным пару мгновений назад, в свете новых сведений выглядело нелепо. Важно кивнув, дабы не растерять достоинства, он поддал пятками коня.

В свою очередь, капитан наоборот замедлился – и задумался. Почему к молодому Аверину так относились, он понять не мог. Хотя и допускал, что слух, будто Уильям является незаконнорожденным сыном графа, – правдив. Тогда становится понятна эта ненависть Леонарда, а также и то, что граф тогда собрал полуэскадрон гвардейцев и выехал посреди ночи, чтобы спасти рыбака из рук солдат Райгара. Однако, вспоминая совет, который сам же дал своему оруженос-

цу, сэр Рэй заставил себя не думать о том, что творится в семье его господина. Не его это ума дело!

* * *

Пейзаж подернутых осенью равнин с редкими худыми деревьями, резвившимися речушками, коих хватало в этом крае, и жухлая трава – все это продолжало преследовать путников. Дождь временно прекратился, но мрачное небо, еще затянутое облаками, давило сверху, будто придвинувшись к земле. Все впали в какую-то общую апатию, ехали молча. Один только Леонард не поддавался апатии, а, наоборот, чем дальше они отъезжали от Брасо-Дэнта, тем игривее и веселее он делался. Ближе к полудню он и вовсе достал свою серебристую флейту – и ветер разнес ее сладкоголосую песнь. Филипп задумчиво смотрел на сына, в его глазах была грусть. Порой, наблюдая за дочерью, и у нее он видел состояние смятения от счастливого вида брата. Тот еще не знал о том, что после суда планируется передать дар Йеве, а вовсе не ему: опасаясь скандала, ему об этом никто не сообщил.

Филипп качнул головой самому себе.

Поначалу, когда Леонард был еще совсем юн, пылок и тщеславен, он видел в нем черты будущего правителя. Ему хотелось, чтобы его сын превосходил его самого. Вспыльчивость, бахвальство – все это списывалось на молодость в расчете, что со временем это уйдет. Однако Гиффард мне-

ния своего товарища не разделял и, встретившись в последний свой визит с уже взрослым Леонардом, стал осторожно и мягко настаивать на том, что надо бы подумать о другом наследнике.

Затем граф посмотрел и на свою дочь: мягкую, последовательную, лишенную тех тщеславных страстей, которые владели ее братом. Она неплохо справлялась с некоторыми поручениями, касающимися управления – но вот правителем она не была. А была она прежде всего женщиной...

Послышался тихий вскрик.

Граф вернулся из своих мыслей и обернулся. Это Уильям повис под брюхом серой кобылы на перевернувшемся седле и, силясь выбраться, досадно плюхнулся в грязь. Потерявшая наездника кобыла тут же встала. Выбравшись из лужи, похожий на болотного черта, у которых блестят одни лишь глаза, взъерошенный рыбак принялся стыдливо и безуспешно возвращать седло на место. Его седельные сумки, по которым прошли копытами, были вдавлены в грязь, их содержимое – испачкалось, а в ножны затекла вода.

Отряд неистово хохотал. Гвардейцы держались за живот: кто-то прикрывал рот, кто-то вытирал от смеха слезы. Громче всех предавался радости Леонард, и даже Йева хихикала в руку. Еле сдерживаясь, чтобы не присоединиться к всеобщему веселью, граф Тастемара уже было развернул коня, но его опередили. Капитан гвардии с широкой улыбкой принялся помогать несчастному бедолаге, готовому провалиться-

ся сквозь землю от стыда.

– Вы плохо затянули подпругу! – смеясь, сказал он и помог зафиксировать седло. – Вот так ее надо затягивать, чтобы не свалиться.

– Спасибо, – выдавил из себя благодарность пунцовый Уильям.

– Вы и верхом не ездили, да? – осторожно спросил сэр Рэй, видя, как гость графа неуклюже карабкается на лошадь с правой стороны. – Садятся всегда слева, чтобы не задеть меч. А вы каждый раз бьетесь об него ногой.

– Ездил два раза, недолго... – ответил смущенно Уилл.

– Понятно.

Отряд двинулся дальше, пока Уильям натянул поводья и остался в хвосте, пропустив даже едущих со всем хозяйственным скарбом слуг, которые взглянули на него с сочувствием и весельем одновременно. Пользуясь тем, что никто его не видит, бедняга пытался отжать грязь с длинных черных волос и привести в порядок сумки. Но все же вид у него остался запачканным и несчастным.

* * *

Ближе к вечеру отряд разбил лагерь у безымянной речушки, которая из-за дождей разлилась широко, далеко. Пока гвардейцы приводили в порядок коней, слуги установили навес и колдовали над котелками – а иначе как колдовством их

споры насчет ингредиентов и назвать нельзя было. Запахи вареной косули и тушеных зайцев, настрелянных графским сыном, плыли над всей равниной, и нервно облизывающиеся воины постоянно оборачивались и с тоской глядели в сторону варева.

– Уильям, предлагаю уединиться, чтобы пофехтовать! – подошел сэр Рэй, тоже пригнувшись к ароматам с кухни. – Иначе, во имя Ямеса, я сойду с ума! Есть такие подозрения, что наши графские кашевары ведают о южной магии... Еще не дав миски в руки, они уже превратили меня в захлёбывающегося слюнями пса!

– Пойдемте, – ответил Уильям, похлопав Серебрушку – так он назвал свою серую лошадку.

Чтобы скрыться от любопытного взора, они вдвоем обошли холм. Там сэр Рэй, до сих пор облаченный в доспех, ободряюще сказал: «Ну, начнем-с...». И пока Уилл поудобнее взялся рукой за рукоять, опустив глаза к ножнам, и потянул ее, рыцарь уже стоял подле него с обнаженным клинком.

Сэр Рэй смотрел укоряюще, хотя его карие глаза смеялись.

– Кто ж вперивается в меч, когда напротив стоит противник? Вы должны, Уильям, делать это не глядя! Был бы вместо меня реальный враг, голова бы ваша уже каталась по земле. Еще раз!

Он вернулся на исходную позицию, и его сопернику только и оставалось, что судорожно следить за ним. Капитан дви-

гался не сказать, что стремительно, но движения его были непредсказуемы, непонятны и ловки. Отразив один осторожный удар, Уилл неуклюже подставился под другой – и запутался в собственных длинных ногах, будто они были ему чужими. Тут же он потерял равновесие и рухнул лицом в грязь, уронив меч, чтобы успеть выставить руки перед собой.

– Следите за ногами. У вас плохая опора! Любой удар, и вы мало того, что открываетесь, так еще и заваливаетесь, – смеялся рыцарь. – Да, это будет сложнее, чем я думал... Ну, вставайте! О, Ямес, да не держите его, как женщину, – это же меч!

Уильяма не ранили, с ним обращались осторожно – капитан был чрезвычайно умен. Но уже примерно через четверть часа рыбак, грязный от кувырков, совершенно обесиленным сел на камень около речушки. Он часто дышал и смахивал с лица пот замызганной перчаткой. Рядом с ним примостился запыхавшийся, но все же бодрый рыцарь.

– Ну, меч умеете доставать. Уже хорошо!

– Уделали, как мальчишку, – усмехнулся Уилл.

– Ну так сравнили, ха, – хмыкнул капитан. – При рождении мне вложили в руку меч – в буквальном смысле. Позволь я вам достать меня, это было бы позором!

– Вы родились в служивой семье?

– А то. Мой отец тоже был капитаном гвардии.

– И давно вы при графе?

– Так-с, мне сейчас тридцать шесть, а пошел на службу

я в возрасте двенадцати лет... Был сначала младшим помощником командира двенадцатого эскадрона. Ну, это что-то типа оруженосца: рубахи стирать, коня чистить и прочее. А стал капитаном гвардии в возрасте тридцати лет, пройдя весь долгий путь самостоятельно... Ну почти... – сэр Рэй стал загибать пальцы. – Считайте, шесть лет.

– Отец вас не баловал? – Уильям смахнул пот с бровей.

– Он был строг, потому определил, куда надобно, а не куда хотел я. И я за это благодарен. А что с вашим отцом? – спросил рыцарь. – Кем он был?

– Мой погиб, когда мне было десять. Он был служителем. Сгорел вместе с храмом.

– Кхм, сочувствую. А что же вы сами не служитель, а рыбак?

– У нас послушников Ямеса выбирают из самых набожных детей, обычно младших в семье. Я был как раз младшим, да еще сыном нынешнего жреца. Но не срослось, учудил... – развел руками Уилл, и его синие глаза хитро блеснули.

– Что натворили?

– Размалевал тотем Ямеса угольком из костра, в пять лет. Ну, кхм, рожицу своего старшего брата накалякал. Не со зла, конечно, но по итогу в послушники выбрали не меня, а сына соседки – Робера.

От этого сэр Рэй Мальгерб рассмеялся и стал снимать с себя доспехи, отчего от него изливался остро-кислый запах,

заставляющий Уилла сморщить нос. Уже не в первый раз тот замечал, что хорошее обоняние – не всегда хорошо. «Если у него отец-служитель, значит он – не внебрачный сын нашего графа», – между тем, подумал рыцарь, и от этого ему стало как-то даже поспокойнее на душе.

– Не вы один такой бунтарь! – усмехнулся он. – Я тоже, Уильям, как-то от отца хорошо выхватил. Едва не потерял свое место на службе.

– Что же вы устроили?

– Когда получил сведения из дозора у южных границ с Глеофом о том, что там собираются войска, я решил, что на нас собираются нападать. Думал, нужно как можно быстрее доложить обо всем графу. Молодой был, дурной, чего там, – двадцать мне было.

– Ну и... – непонимающе посмотрел Уильям.

– Что ну и... Ну и поперся я прямиком в замок. Болваны на решетке меня пропустили, посчитав, что я записан на аудиенцию. Ну я и бродил меж этажей, пока слуги не показали, где кабинет графа, куда я, собственно, и вломился!

Уильям рассмеялся, представив себе эту каверзную ситуацию.

– Да-да, господин внимательно выслушал меня тогда, кивал, соглашался, потом спровадил со слугами, – гулко захохотал рыцарь. – Я думал, что все серьезно, правда, он улыбался все время... А потом оказалось, что и не войска то были, а пара калек, таких же дозорных, бродили туда-сюда.

– Граф наказал вас?

– Нет, что вы. Ха-ха, меня наказали все, кроме графа! Отец по шее тогда вломил, мой командир разжаловать хотел. Но отмазали. А вот тех, кто донес неверную информацию, а еще охрану у замка – тех поменяли. Досталось им!

Оставшись в красном поддоспешнике, Рэй снял вонючие сапоги, вытряхнул из них попавший туда сор и надел снова. Потом взглянул на Уильяма и заявил:

– На самом деле у вас весьма недурные задатки для меча!

– Шутите же, – не поверил Уильям, счищая с себя прилипшую траву. Впрочем, безуспешно, тут нужно было идти и окунаться в реку целиком, вместе с одеждой.

– Не шучу. Все сильнейшие фехтовальщики, которых я когда-либо видел, были высокими, длиннорукими, крепкого телосложения. А вы так-то повыше многих будете! С мой рост!

Уильям нахмурился, задумавшись. Потом его озарило.

– Это дает такое большое преимущество?

– Конечно! В фехтовании это решающий фактор. Даже опытному будет тяжело против новичка, если тот на полторы-две головы выше. Поэтому отбор в гвардию такой жесткий. Я думаю, вы заметили, что тут все как на подбор рослые крепкие мужики. Такие, что и копыто в грудь переживут. Задохликов не берем!

– Кстати, сэр Рэй, мой нос подсказывает мне, что повара закончили готовить, – принялся Уильям, и до его носа

действительно донеслись запахи с полевой кухни. — Там уже вовсю стучат ложками, слышите?

— Хм. Ничего не чувствую и не слышу, — заявил капитан, потом покосился на собеседника. — Чуткий же у вас нос и острый слух, уважаемый Уильям. Тогда пойдемте быстрее в лагерь! Я голоден, как стая волков!

— Пойдемте. Спасибо за уроки.

— Не благодарите — мне все равно нечем заняться. Быть может, по возвращении из Йефасы вы уже так приловчитесь, что станете достойным соперником. Ладно... — и он спохватился, — не сказать, что достойным, но хотя бы не безнадежным увальнем.

— Благодарю за откровенность, — весело улыбнулся Уильям.

— А вот за это всегда пожалуйста! — оскалившись белоснежными зубами, рыцарь заторопился.

И правда, в лагере Рэй Мальгерб увидел, как его воины ожесточенно лупят ложками по дну мисок, выгребая все до последнего куска. Рыцарю не пришлось долго ждать и он, получив горячую порцию от оруженосца, присоединился к трапезе. Уильям же, стоя у края лагеря, чумазый и облепленный высохшей грязью, рылся в седельном мешке в поисках чистой одежды. Граф, читающий какую-то книгу, время от времени кидал на него любопытные взгляды. Леонардо с Эметтой не было на месте и, вполне возможно, они уединились где-то меж холмов.

Отыскав полный набор чистых вещей и холстину, Уильям побрел вдоль широко разлившейся реки. Иногда в стороне тот тут, то там встречались вздыбившиеся к небу одинокие камни; некоторые из них имели причудливые формы, что всегда в ночи рисует в беспокойных умах образы чудищ. Вон тот камень: слева, высокий, тонкий, в полтора васо, – был изогнут так, будто он готовился к хищному прыжку с холма.

Успокаивая себя, что он сам, в общем-то, чудовище и подобных ему теперь нет смысла остерегаться, Уильям подошел к кромке реки и оглянулся. А когда удостоверился, что опасностей нет, разделся. Река в это месте была глубока – быстро подступила выше груди. Вода холодила, и, стараясь как можно скорее закончить, Уилл окунулся, смыл грязь с волос. Все-таки какими бы спокойными не были равнины, что-то в них пугало. Они казались неживыми, демоническими, не желающими, чтобы посторонние топтали их землю своими ногами.

Тут об ступню что-то потерлось. Он вздрогнул. Рыба? Нет, вот нечто провело по бедру, в паху, потом на миг скользнуло по спине. Ледяной страх сдавил его. Ничего не видя под собой из-за мути, Уильям уже изготовился броситься к берегу, как из воды показалась обрамленная черными волосами макушка – и на него взглянули немигающие голубые

глаза кельпи.

– О Ямес, это ты!.. – схватился за сердце он и шумно выдохнул, успокоившись. – Вериателюшка, ты меня едва в могилу не загнала!

Ее нижняя половина лица оставалась в реке, отчего тинистая вода заливалась в ноздри, в приоткрытый рот. Уилл протянул руки, чтобы приобнять свою любимую демоницу, но та разогнулась и, обойдя его, вдруг резко толкнула в спину по направлению к берегу.

– Что такое?

Снова толчок.

– Да погоди. Я же не помылся до конца... Погоди, душа моя!

В ответ толчки только усилились, да так, что Уилл едва не рухнул в мутную воду, споткнувшись обо что-то. Препятствие, о которое он запнулся, неожиданно зашевелилось. Кто-то или что-то продолжало касаться ног, живота и спины. Побледневший рыбак уже сам ринулся из воды, высоко вскидывая ноги, пока Вериатель постанывала и рычала буд-то в никуда.

Выбравшись на берег, он обернулся и обнаружил, что его демоницы и след простыл. Зато чуть рябая от сильного ветра поверхность взволновалась. Река ожила. Что-то шевелилось в ней, бурлило – словно множество змей скользили друг по другу, сплетаясь в клубок. И так по всей длине реки, куда доставал взор. Слева, в десяти васа, появилась то ли спина,

то ли что-то еще: гладкое и черное, округлой формы. В то же мгновение оно сокрылось от глаз, а темная вода вновь стала спокойно-безмолвна.

Уильям спешно оделся и с ворохом грязной одежды, босой, держа в руках сапоги, взлохмаченный и мокрый, бегом направился к лагерю.

На месте ночлега оживленный народ то штопал какие-то вещи, то чистил лошадей. Кто готовился ко сну, а кто оживленно переговаривался меж собой.

– Ну и как водичка? – спросил капитан, завидев возвращающегося рыбака. – Можно обмыть ноги?

– Нет, не надо там купаться!

Мимо них к реке прошел слуга Чукк с котелком, чтобы вычистить его. Уильям кинулся к нему со словами: «Не ходите туда, стойте!». Все уставились на него, перепуганного. Всем он внушил своим видом тревогу. Даже ласково мурлыкающий со своей служанкой Леонард – и тот подскочил на ноги, вслушался. Филипп поднялся с лежанки, приблизился и разглядел, что прибывший не до конца обмылся, что взгляд у него дрожит, а в руках он держит ком нестираных вещей вместе с обувью.

– Что там было? – резко спросил он.

– Не знаю... – ответил рыбак. – Что-то коснулось меня, а потом появилась *она*... вы знаете о чем... *Она* выгнала меня из воды и, пока мы шли к берегу, всё огрызалась и шипела. Река словно ожила и зашевелилась, или в ней что-то

зашевелилось, либо большое, либо множество мелких...

– Собирайте лагерь! – тут же скомандовал всем граф. Потом обратился к капитану уже тише: – Кто-нибудь ходил к реке?

– Двое. Аурит и мой оруженосец, – ответил хмуро сэр Рэй.

– В какую конкретно сторону ушли? – затребовал граф.

Капитан показал пальцем вправо, в сторону противоположную той, откуда вернулся рыбак. Тогда, схватившись за ножны, Филипп посмотрел на всех вокруг себя.

– Оставайтесь здесь! А ты... – сказал он Уильяму, – Вот ты как раз пойдешь со мной. Сворачивайте лагерь, я сказал! Всем держаться вместе, выставьте охрану с оружием наготове, чтобы после моего возвращения тронуться в путь!

– Но как же вы одни... – сделал к нему шаг капитан.

– Я вам что приказал, сэр Рэй? – рявкнул граф. – Пойдете за мной – лишитесь головы. Лично отрублю за неповиновение!

Он развернулся и скорым шагом двинулся к холму. А за ним, натянув сапоги, побежал неуклюже держащий меч Уильям. Под покровом ночи они миновали возвышенность, откуда до реки оставалось каких-то пятьдесят васо.

– Если что-нибудь вылезет – руби без раздумий, – предупредил Филипп, осторожно оглядываясь по сторонам.

– Вы знаете, что это было в реке?

– Догадываюсь, – мрачно ответил граф.

Их сапоги проваливались в жижу – берег с западной сто-

роны был положим, а оттого совсем заболоченным из-за долгих дождей. Вокруг ни души: ни Аурита, ни Винсента... Филипп медленно, осторожно переступая в грязи, направился куда-то в сторону с мечом наготове.

Последовав за ним, Уильям пригляделся и заметил что-то блестящее, васа в тридцати. Вода доходила уже до щиколоток, ноги вязли и неприятно чавкали; вокруг было так тихо, будто равнины сами обратились в слух, выжидая. Граф Тастемара поднял золоченую фибулу в виде ворона – украшение второго капитанского плаща, низ которого должен был отстирать Винсент. Недалеко от фибулы, за остатками камыша, виднелся из воды и сам притопленный черный плащ.

– Они мертвы? – спросил Уильям, понимая, что задал глупый вопрос и уже знает на него однозначный ответ.

– Да, – кивнул Филипп.

– Кто это был, господин?

– Пойдем отсюда, поговорим потом.

Они стали возвращаться, пока на середине пути, на вершине холма, граф резко не развернулся и не всмотрелся вдаль. Затем он схватил Уильяма за плечо, чтобы тот обернулся. Река, живая, опять вспучилась. Из нее показались гладкие спины десятков, сотен, если не тысяч тел, что потирались друг об друга. Когда рыбак понял, что *это* тогда казалось и его тоже, он сделался бледным.

– Это все одно существо, – сказал граф, показывая острием меча на колышущуюся реку. – Не знаю, как его клика-

ли в древние времена, но в местных легендах оно зовется ехидной. Судя по всему, очень старая тварь, вон до каких размеров вымахала. Хитрая и осторожная. Даже я не услышал ее...

– Как же она здесь очутилась?

– Не знаю. Вероятно, добралась по речной системе, которая протягивается на сотни миль и связывается во время половодья с болотом. Возвращаемся, – и он потянул рыбака за рукав. – Твоя кельпи спасла не только тебя, но еще и всех людей, что собирались пойти к реке перед сном.

– Но тех двоих уже не спасти... – с сожалением промолвил Уильям.

– Да, – только и ответил граф.

Когда они подходили к лагерю, Уилл поинтересовался:

– Зачем вы взяли меня с собой, господин? От меня помощи, как от козла молока.

– Потому что о тебе печется кельпи, иначе бы тебя уже доедали в реке, – вздохнул Филипп и продолжил: – Этой твари здесь раньше не было, а меж холмов, там дальше, много южнее, располагалось несколько крупных поселений: Панриум, Черная Болотовка. Больше трехсот лет назад вожди этих поселений все как один перестали мне отчитываться. Я тогда взял с полсотни конников – и выдвинулся в эти края.

– Поселения опустели?

– Да, просто дома с выбитыми дверьми. Все деревни располагались возле реки. Видимо, эта тварь пришла с болот

и почуяла, что здесь есть пища. Тогда мы заночевали в одном поселении, не понимая, куда все пропали. А ночью выползла она, или оно... даже, наверное, они... Действовали, как огромный единый разум, потащили в реку и коней, и людей, обвиняясь вокруг них. Мы тогда едва спаслись... Я и десять конников, – Филипп остановился, и оглянулся. Впрочем, ночная река уже скрылась от его взора. – После того случая я запретил людям селиться здесь, перенаправил всех купцов на новый тракт – Западный. А ехидна вернулась в свои топкие болота. Да, иногда пропадают одинокие гонцы, но в целом на протяжении двух-трех веков все мелкие поселения, которые здесь появились, жили спокойно, хоть и скудно.

У лагерного костра сидел встревоженный люд. Увидев графа и Уильяма, от них всех отделился капитан, который быстро пошел навстречу.

– А где мой оруженосец Винсент? Где Аурит?

– Мертвы, сэр Рэй, – сказал Филипп. – Определите одного гвардейца в обратный путь – пусть предупредит вождей, что местные воды таят опасность. А нам нужно двигаться дальше, чтобы быстрее проехать это чертово место! Обогнем реку меж тех холмов, а выспимся уже в обед, когда будем в безопасности.

В полном молчании уставший отряд отправился в путь на таких же уставших от дневного перехода конях. Дул сильный ветер, и все попрятались от холода, закутались в пла-

щи. Уже ближе к полуночи нахмуренный капитан натянул поводья и поравнялся с Филиппом, обеспокоенно взглянув на него из-под рыжих бровей.

– Господин, вы нашли тела?

– Нет, сэр Рэй. Мы нашли лишь то, что несъедобно – одежду.

– Как? Ни следов борьбы, ни каких-либо признаков того, что на моих людей напали? Они просто пропали?

– Полагаю, их задушили – потому мы ничего и не услышали. В любом случае, они уже в брюхе той твари, имя которой ехидна.

– Ехидна?! – воскликнул громко рыцарь, не веря своим ушам. – Та тварь из сказок?

– Сказки порой правдивы.

– Погодите. Но почему тогда Уильям остался жив?

– Слишком много вопросов, капитан, – холодно заметил граф. – Я понимаю, что вы огорчены потерей своего оруженосца и человека из гвардии и не верите мне, но я вас уверяю – они мертвы. А что касается Уильяма, то о нем печется некое существо, которого побоялась даже ехидна.

– Простите меня за мой длинный язык!

И, склонив голову, сэр Рэй заторопил коня и проехал вперед. Задержав ненадолго взор на поникшей фигурке Йевы, которая устала от седла, устала от продолжительных дождей и скверных условий, он покачал самому себе головой: «Зачем господин взял дочь с собой? Таким женщинам должно

сидеть дома, у трескучего камина, а не терпеть лишения в походах...»

Только к обеду отряд раскинул лагерь, и, перекусив ячменными лепешками, уставшие люди завалились спать, потому что сон верхом, мимолетный и скоротечный, не мог дать телу полноценного отдыха. А отдых нужен был всем – и людям, и коням. Лежащая под двумя льняниками Йева, один из которых отдал ей отец, с прикрытыми глазами наблюдала за Уильямом. Почувствовав ее взгляд, он обернулся и улыбнулся, тепло посмотрел на нее. На это девушка грустно улыбнулась и с тяжелым сердцем отвела взгляд. Глубоко вздохнув, она погрузилась в крепкий сон. Время от времени она подрагивала от холодных порывов ветра, непривычная ко сну вне своей спальни.

Глава 2. Малый Уплиш

Ближе к вечеру отряд подошел к Малому Уплишу – небольшой, но очень живой и шумной деревне, что располагалась у нескольких ручьев, достаточно крупных, чтобы ловить там рыбу и брать пресную воду, но слишком малых, чтобы там жило нечто внушающее ужас.

Спешившиеся всадники вошли в огороженное частоколом поселение. Вокруг них тут же собралась толпа, преимущественно из женщин и детей. Дети изумленно таращились на огромных лошадей и, бесстрашные и любопытные, лезли к ним.

– Скажите, чтобы ребятня пошла прочь! – прикрикнул один из конников. – Вы что, не видите – это не деревенские кони! Живо копытом отправят к Ямесу!

– Наш ли это владыка? – пролепетал вышедший вперед старик, шурясь и кланяясь, на всякий случай.

– Чей еще!? Гербов не видишь? Где вождь? – ответил сэр Рэй, держа за поводья пританцовывающего мерина, что нервноничал от снующих туда-сюда детей.

– А я и есть вождь. Меня зовут Ормут, – ответил старик.

– Тебя должны были уведомить о приезде графа. С месяц этой тропой высылали гонца. Нам нужны еда и крыша над головой!

– Ох, господин! – воскликнул старик и упал на колени. –

Гонец-то был, но у нас не хватит комнат на постоялом дворе, чтоб вместить вас всех!

– Сколько комнат на постоялом дворе?

– Четыре, махонькие, без очага... В каждой по кровати да место под лежак.

Пока сэр Рэй прикидывал куда кого разместить, вперед выехал Филипп.

– Подготовьте все, – коротко приказал граф. – Гвардейцам пусть дадут приют поселяне.

Работники постоялого двора увели лошадей на задворки постоялого двора, где под большим навесом накормили и почистили. Люд, чистый, аккуратный, несмотря на нищету, все не расходился и пилился. Юные местные прелестницы стреляли глазками в гвардейцев, выцепляли из них самых статных и улыбались им особенно тепло. Пока все распределялись по домам, чтобы выспаться, граф Тастемара давал указания:

– В одной комнате буду я и Леонардо, – перечислял он. – В другой – Йева и Эметта, в третьей – Чукк и Грон, а в четвертой – вы, сэр Рэй, и Уильям.

– Кхм, отец, может я с Эметтой в одной комнате? Как в Ферранте, – тут же предложил Леонардо, который потерял всякую надежду уединиться со своей любовницей.

– Нет, – холодно отрезал граф.

– И почему же? – возразил сын, непонимающе плясая на отца.

Удивленный сэр Рэй, замерев у порога, исподтишка наблюдал за этими проявлениями аристократической изнеженности.

– Потому что это поход, а не забег в бордель, – Филипп развернулся и направился на постоялый двор, чем спугнул капитана.

Когда он отошел весьма далеко, Леонард сжал затвердевшие от злости губы и в сердцах сплюнул. Но на его несчастье, граф это услышал. Уже на пороге он обернулся и обратился к стоящему неподалеку старику вождю.

– Моему сыну лежанку в самой захудалой лачуге.

– Отец, но... – вмешался Лео. – Что ты такое говоришь! Я не буду спать как простолюдин, в доме крестьян. Хорошо, я согласен с твоим распределением касаясь постоялого двора!

– Это ты мне делаешь одолжение? – улыбнувшись, Филипп поднял брови.

– Не будь так жесток со мной, отец!

– Я все сказал.

С этими словами граф исчез в проеме. Глядя вслед, Лео остался на улице под затянутым тучами небом, и на его челюсти заходили желваки. К нему пугливо подошел низенький старичок Ормут, который очень почтительно, видя дурной настрой, предложил проследовать за ним. В жалкой лачуге, куда его определили, графский сын согнал все приютившее его семейство в хлев, а сам устроился в одиночестве на нескольких положенных друг на дружку лежанках.

Смеркалось. Ветер поутих, свинцовые облака остановили свой бег, замерли прямо над Малым Уплишем – и снова пошел измучивший всех дождь. Впрочем, в этот раз весь отряд спал с крыши над головой, радуясь теплу и сухости. Сидя в крохотной комнатухе постоянного двора, Йева фон де Тастемара глядела на закрытые ставни такого же крохотного окошка и думала о чем-то своем.

– Чем вам еще послужить, моя госпожа? – спросила ее служанка Эметта.

– Займись каштановым платьем, – рассеянно сказала графская дочь. – Простирни его – оно на подоле сильно измазлось... Просуши на первом этаже, в таверне, – а потом она вздохнула. – Как хорошо, что ты не пошла к реке вчера вечером...

– И не говорите, госпожа, Ямес уберег! – закивала Эметта.

Йева еще раз с тоской оглядела захудалую узкую комнату, обстановка которой состояла лишь из одной кровати да лежанки. За дверью, из другого конца коридора, слышались гулкие шаги и голоса.

– Вы не боитесь дождя, сэр Рэй? – спрашивал из-за глиняной стены голос Уильяма.

– Надо же, так трепетно печетесь обо мне! Или боитесь шлепков мечом по заднице? – хохотал капитан.

– Погодите, погодите. Вот я подучусь – и тогда вы заплатите за такие слова, – шутливо отвечал Уильям.

– Поплачусь? Я? Ха-ха! – восклицал Рэй, который забыл,

что за соседними стенами находится графская семья, а сами стены – что пергамент. – Если сможете сегодня хоть раз задержать меня мечом в схватке, я готов выложить свое сезонное жалованье.

– Ну это уже слишком... Вы слишком азартны, сэр Рэй, – смутился голос Уильяма. – У меня нечего дать взамен, если я проиграю в этом споре.

Эти двое шумно остановились прямо за дверью Йевы.

– Азартен? О да! – ответил рыцарь. – Раз уж хотите, чтобы спор был честным, предлагаю, значит, тогда такие условия... Если сможете коснуться хотя бы кончиком меча моего тела в спарринге, то я даю вам свое сезонное жалованье. А если не сможете, то будете драить и седлать моего Тарантона весь путь в Йефасу и обратно.

– Седлать? Это я могу...

– Хотя нет, – за стенами одумались, и по постоялому двору разнесся мужской глубокий смех. – Седлать все-таки лучше буду я сам. Не хочу любоваться пейзажами из-под брюха коня! Ну что, по рукам?!

Послышалось звучное рукопожатие, а затем и предовольный голос капитана: «Пойдемте, я вам расскажу, как правильно чистить моего коня... а то Тарантон с характером». И двое проникшихся взаимной симпатией спорщика удалились, хохоча. Прочие же постояльцы, которые стали невольными слушателями столь комичного разговора, заулыбались.

Когда окончательно стемнело, на лестнице, ведущей на второй этаж, снова раздался тяжелый топот. Спорщики возвращались. Стоило им почти дойти до середины коридора, как дверь на их пути приоткрылась. Дочь графа, накинув шаль на худенькие плечики, выглянула в коридор.

– И кто победил? – полюбопытствовала она.

В ответ Уильям лишь поднял над головой звенящий кошель с даренами и поиграл бровями. Увидев свое потерянное жалованье за сезон, которое он планировал потратить в Йефасе, капитан оскалился в улыбке побежденного.

– Это случайность, госпожа! Вашему гостю благоволит удача – он запнулся о камень и растянулся лицом в землю, а его клинок коснулся моего сапога.

– Но мы решили, что ничья! – весело заявил победитель.

– Слава Ямесу, мне не придется чистить Тарантона. Хотя ваши услуги обойдутся мне чертовски дорого, – ухмыльнулся Рэй Мальгерб. – Еще и седлать придется самому.

Йева поглядела им вслед, чувствуя тяжелый запах пота, и с улыбкой закрыла дверь.

– Я же сказал, что могу седлать вашего Тарантона, – уже заходя в комнату, ответил Уильям.

– Нет, нет! Избавьте! Ямес меня спаси от такого седлания! Ха, мне потом придется от стыда подать прошение на разжалование.

Переодевшись, сэр Рэй почесал крепкий живот, откуда доносились звуки бурчания.

– Так, Уильям, лично я очень хочу есть. Предлагаю не сидеть в этой дыре, а сходить вниз. Посидите с нами, пока мы пропустим пару стаканчиков того пойла, что тут у них наливают. Вспомним беднягу Винсента и Аурита.

– Я не голоден, уважаемый сэр Рэй.

– Ваше дело, хотя я предлагал вам лишь присоединиться, – пожал плечами рыцарь, задумчиво глядя на ищущего сухие вещи Уильяма.

* * *

Как можно скорее сэр Рэй покинул эту отвратительную полную клопов комнатуху и выбрался на свежий воздух, где моросил мелкий дождь. В таверне, одноэтажном здании с низкими потолками, сидели восемь конников. За оставшимися двумя столами теснились притихшие жители поселения, поглядывая на прибывших то ли с уважением, то ли с яростью.

– Сэр Рэй! – воскликнул гвардеец Мойрон. – Идите сюда, мы вам место оставили!

Присев на лавку между двумя воинами, рыцарь громко оперся локтями о стол.

– Чем здесь кормят? – спросил он.

– Пока не знаем. Скоро вынесут, что у них есть. Но Кольрит попробовал уже их пива, – ответили поспешно ему.

– Отвратительное пойло! Не портите себе настроение

и живот этим дерьмом, капитан, – сморщился Кольрит.

Вскоре на их столы опустились покрытые румяной корочкой зайцы, куропатки и еще что-то непонятное.

– А это что? – спросил сэр Рэй, показывая на посудину служанке-дурнушке, которая вертела бедрами так, что порой сама себя ловила, чтобы не упасть.

– Это гадюка.

Лица у мужчин разом вытянулись. Гвардейцы подозрительно привстали, всмотрелись в лежавшие на деревянном резном блюде поджаренные кусочки толщиной с палец.

– Не беспокойтесь, – поспешно заверила всех служанка. – У гадюки яд только в башке. А башку-то мы ей отрубаем... Мясо вымачиваем в воде на ночь, оно становится мягким. И жарим. Да вы попробуйте!

Для заверения она жестом показала, как именно змею лишают головы. Вышло настолько убедительно, что один из мужчин все-таки потянулся к кусочку, несмело взял его кончиками пальцев – словно гадюка была живая, – и сунул в рот.

– Ну что?.. – спросили все с интересом.

– Как птица. Честное слово, курица!

Деревянное блюдо с этим странным яством вмиг опустело. Все с видом знатоков причмокивали.

– Что только люди не едят, вот диво дивное, – произнес уплетающий за обе щеки сэр Рэй. – Жрать гадюк – это еще додуматься надо! А по вкусу и правда птица.

Еще чуть погодя они запивали еду пивом.

– Капитан, а что будут делать с конями Аурита и Винсента? – спросил один гвардеец.

– Ничего, будут как выючные. Жаль парней, неплохие были, – вздохнул сэр Рэй, прихлебывая с отвращением гадкое пойло.

– А этого, как его... Уильяма фон де Аверина не тронули-то... – сказал другой гвардеец и пихнул локтем третьего. – Его ж так же, как тебя зовут. Заметил?

– Имя же распространенное, – ответил третий, по имени Уильям. – У нас в деревне таких Уильямов, как полевых чертей. В каждом дворе!

– А кто ж там печется о его жизни, я так и не понял? – проговорил первый. – Никого ни разу не видел подле него.

– Это нас не касается, ребята! – сморщился сэр Рэй, отодвинув кружку.

– Ладно вам, капитан, здесь же никого нет, – ответили ему.

Служанка подошла прямо к рыцарю и встала подле, наклонившись, чтобы взять пустые кружки. Ее пышная грудь едва не выпала из глубокого выреза, а девица томно взглянула на капитана гвардии.

– Эй, дорогуша, – сказал захмелевший рыцарь, плясая на зазывающие округлости. – А здесь есть нормальное пиво, хозяйское?

– Для вас найду, – ответила ласково служанка и, очень медленно разогнувшись, ушла с гремящими кружками.

Ее проводили изголодавшиеся девять пар глаз. Послышались вздохи. Многие из гвардейцев согласились, что служанка вполне себе симпатична, а один, самый пьяный, и вовсе назвал её красавицей. Обозленные селяне, что сидели за соседними столами, на это зыркали негодуя.

– Капитан, а чего мы вообще поперлись в Йефасу? – осторожно спросил один гвардеец.

– Похоже, как раз из-за Уильяма, – ответил сэр Рэй.

– А-а-а, помните, мы когда забирали его из того селения раненым... как там... Большие Варды, кажись... Помнишь, Мойрон, что сказал граф? – хлопнул себя по лбу, вспоминая, второй гвардеец.

– Не помню, – буркнул Мойрон.

– Сказал, что отвезет того на какой-то там суд... Так может туда и едем?

– Может и так, – согласился сэр Рэй.

К столу снова подошла та самая служанка и опять, откровенно выпятив свои достоинства (возможно единственные), выставила на стол с большого подноса кружки с пивом и промурлыкала на ухо капитану: «Это наше лучшее, господин. Выпросила у тавернщика».

Мужчины опрокинули в себя напитки.

– Хорошее... Вот это нормальное пиво, я понимаю! – хлопал себя по животу объевшийся гвардеец. – Так что там насчет этого Уильяма?

– Да он графский отпрыск, – негромко заметил второй.

– Нет, – возразил захмелевший сэр Рэй, в голову которому ударило крепкое пиво. – Он сын жреца, сам мне рассказывал.

– Да может недоговаривает, капитан. Вы видели, как с ним наш граф нянчится? – поднял вверх палец Мойрон.

– Ничего он не нянчится, – покачал головой первый.

– Нянчится, я тебе говорю! Если б сэр Рэй не подошел первым помочь этому Уильяму, когда тот висел под пузом, там бы граф подскочил самолично! Он уже ноги из стремени доставал, я видел! – второй гвардеец допил кружку и отставил.

– Ну да, он так за своим родным сыном не следит, – закивал другой конник.

– Леонард – не родной сын, как и Йева, – и сэр Рэй улыбнулся, вспомнив очаровательное личико дочери графа. – Наш лорд привез их из Филонеллона, и они приемные.

– Так у господина нет детей? – удивился первый конник.

– Уильям – его отпрыск, – прошептал уверенно второй.

– Да не сын он! – начал выходить из себя сэр Рэй.

– Сы-ы-ын, – возразили в один голос несколько гвардейцев одновременно.

– Да чтоб черти вас подрали! – разозлился сэр Рэй и уже захотел было встать, чтоб уйти, но снова подошла та служанка и склонилась к его уху.

– Господин, как вам наше пиво? Понравилось? – шепотом, ласково, с хрипотцой поинтересовалась она.

В который раз взглянув на практически нагую грудь,

подвыпивший сэр Рэй уже пожалел, что поселился вместе с графским семейством.

– Замечательное пиво, то, что ты принесла последним, моя дорогая, – негромко ответил он, а потом добавил еще тише и вкрадчивее: – Я бы еще много что испробовал у вас, но, боюсь, что мне пора возвращаться на постоянный двор. А там яблоку негде упасть...

– Ой, господин рыцарь. Постоянный двор у нас хиленький, – заявила служанка, и ее глазки хитро блеснули в свете освещавших таверну ламп. – А у меня папенька как раз заночевал в домике лесорубов. Это далеко отсюда, в небольшом лесочке подле болотца.

– О, дорогая моя, ну что же... Покажи мне тогда, какие еще яства у вас имеются! – радостно протянул рыцарь.

Служанка ловко проскользнула меж столов, задевая их пышными бедрами, и вышла под дождь. Последовал за ней и сэр Рэй, предвкушающий дегустацию местных блюд. Вернулся он на постоянный двор уже ближе к полуночи, причем вернулся весьма и весьма довольным. Открыв дверь в комнатушку, он обнаружил сидящего в темноте Уильяма с книгой в руках.

– Вы в темноте читаете? – удивленно спросил он.

– Я просто проверял, не испачкалась ли она от падения в грязь, – соврал Уильям.

Он подвинулся, чтобы сэр Рэй добрался до кровати.

– Уильям, вы что, решили ночевать на лежанке?

– Да. Я привыкший, так что могу и внизу поспать.

– Благородный вы человек. И за это нравитесь мне все больше и больше!

С веселой усмешкой капитан рухнул на кровать, чтобы выспаться. Раздался треск, и деревянная ножка переломилась пополам, а сама кровать покосилась, отчего ошарашенный сэр Рэй скатился к стене.

– Дрянь, да какого Ямеса в этом клоповнике такие рухляди! – воскликнул он, а потом, вспомнив, что в соседней комнате спят две дамы, покраснел. – Уильям!

– Что такое? – спросил тот, улыбаясь.

– Я тоже, кхм, как человек благородный, готов поступиться своим комфортом – предлагаю вам лечь на кровать. А я же, в свою очередь, готов пострадать на лежанке внизу.

– Благодарю вас, сэр Рэй, но откажусь, – Уильям тихонько рассмеялся и отвернулся к стене.

Не желая всю ночь созерцать эту жалкую комнатку, вампир погрузил себя в дремоту. Рэй Мальгерб тоже повертелся, покрутился в перекошенной кровати и провалился в забытие, где ему снились местные блюда Уплиша, как оказалось – весьма аппетитные и съедобные.

Глава 3. Тарантон, мой дивный конь

Поутру, когда дождь закончился, сэр Рэй снова столкнулся нос к носу с сияющей и, похоже, уже влюбленной служанкой. За пробу местной кухни ее наградили десятком даренов. Однако на этом, похоже, все закончилось, потому что больше на девицу даже и не взглянули. Гвардейцы быстренько расправились с остатками вчерашнего мяса, свежей кашей и, залив в себя по кружке отвратительного пива, пошли седлать коней. Проверив подпругу ещё раз – на всякий случай, – Уилл вскочил на свою Серебрушку и последовал за отъезжающим отрядом.

– Ну что ж, мы уже пятый день в пути, – потянувшись в седле, произнес довольный сэр Рэй. – Вы готовы, Уильям, сегодня драить моего Тарантона?

– Я все помню, – ответил с легкой улыбкой тот. – А на нашем пути будет сегодня поселение?

– Вроде нет, – задумался сэр Рэй. – Завтра должен быть какой-то там поселок... Завтра или все-таки послезавтра? Мы-то взяли фуража с запасом.

– Послезавтра, – негромко подсказал Филипп, поравнявшись с ними. – Нам еще два дня месить эти болотистые луга – а потом прибудем в Черные Тельи.

– Вы все поселения по имени знаете, господин! – воскликнул капитан.

– Конечно, сэр Рэй. Это ведь моя земля, – с иронией ответил граф.

Пока все обсуждали вчерашнее гадючье мясо, Уильям бросал сочувственные взгляды на Йеву. Та ехала одиноко, ни с кем не переговариваясь. Она зябко куталась в свой теплый плащ, но все равно мерзла и дрожала как осиновый лист. Не выдержавший рыбак снял со своих плеч отороченный белкой черный плащ, что ему выделил граф, и накинул на девушку поверх ее собственного.

– Не стоило... но спасибо, – поблагодарила она синими от холода губами и тут же поплотнее завернулась в два плаща, потихоньку отогреваясь. – Из меня никудышный путешественник, отчего-то мерзну постоянно.

И тут же на паре скрестились взгляды всех: и тех, кто ехал позади, и тех, кто был впереди. От этого Уильям заробел – понимал, что каждое их слово ждут, чтобы раздуть в сплетни. Поэтому он лишь ласково-смятенно улыбнулся.

Йева тоже все поняла; она спряталась поглубже под свой большой капюшон и взглянула оттуда на Уилла с нежностью. И пусть без накидки ему было весьма мерзло, однако этот ответный жест так согрел его сердце, что весь остаток дня он ехал, ничего не замечая. Не замечал он и вонзающегося в него, как нож в спину, взгляда Леонарда. Леонард двигался как бы в стороне от всех: молчаливый, угрюмый. И только

пальцы его ласкали усыпанные яхонтами ножны.

– Смотрите, смотрите! – вдруг воскликнул, указывая в небо, гвардеец.

Путники задрали вверх головы. Под низкими тяжелыми облаками, прибываясь к земле, летели с десятков темно-коричневых птиц. Все бы ничего, однако размером птицы были с коня. Они летели, мерно размахивая огромными крыльями, и вокруг них будто бы расходились в испуге тучи. Их полет был спокойным, величественным... А все внизу, остановившись, с уважением поглядели на эти цепкие острые когти, на эти гордо посаженные головы, на глубокую широкую грудь – и восторженно вздыхали.

– Ну что ж, – в восхищении сказал Филипп. – Значит, в нашем Брасо-Дэнто уже зима. Они так каждый год перелетают на юг – теплолюбивые существа.

– А кто это? Драконы?! – спросил Уильям.

– Нет, что ты, какие же это драконы. Драконы давно вымерли... Это торуффы, или как их называют ближе к Югу, – рух.

– Они опасны?

– Нет. Они гнездятся в горах к северу от Брасо-Дэнто, и питаются баранами да козлами. К нам спускаются крайне редко. Всю жизнь проводят в небе, – и граф вздохнул. – благородные создания.

– Я никогда не видел их раньше, – замороженно ответил Уильям, наблюдая за приближающейся стаей.

– Так их и мало осталось. Это, вероятно, потомки тех причудливых созданий, что родились из кровавых обрядов после слияния миров. Может быть, даже и родственники драконов, кто знает.

Между тем, Леонард нащупал лук и стал быстро разматывать его, не отводя глаз от птичьей стаи. Завидя под собой людей, рух начали медленно набирать высоту, уходя в кучевые облака, но ловкие пальцы графского сына уже потянулись за стрелой в колчан.

– Не смей! Убрал лук, я сказал! – рявкнул Филипп, да так, что весь отряд испуганно подскочил на конях.

– Что? Почему?! – воскликнул его сын, но стрелу все-таки задержал в колчане. – Это же такой трофей, отец! Над Брасо-Дэнто они никогда так низко не пролетают, как здесь. Позволь хоть один выстрел!

А демонические птицы уже поднялись слишком высоко, и теперь их было видно только в редких оконцах между тучами. Они спокойно пролетели над отрядом в сторону Юга.

– Опоздал... – с раздражением выдохнул Леонард.

– Они не для того живут, чтоб их убивали ради пера в уздечку, – Филипп гневно посмотрел на сына, а его вороной конь, чувствуя злость хозяина, нервно пританцовывал на месте.

Не желая лишний раз сердить отца, Лео отвернулся и уставился взглядом на бескрайние болотистые луга.

К вечеру отряд остановился у быстрого прозрачного ручья, который змеей извивался среди сгнившей травы. Широкой в два васо, глубиной – по пояс, он не сулил никаких опасностей. Слуги, понюхав воду, убедились в ее чистоте и набрали котелки для жарки мяса и готовки супа из настрелянной дичи. Кто-то из гвардейцев уже чистил коней, кто-то устанавливал навес, если вдруг бредущая над землей туча решит излиться дождем.

Йева вернула уже порядком продрогшему Уильяму его плащ, виновато поблагодарив. Леонардо с Эметтой, у которых не было шанса уединиться посреди ровного, как лежащий на столе лист бумаги, луга, сидели на лежанке, пока их лошадьми занимались остальные.

– Ну что, вы готовы? – к Уиллу подошел капитан. Он затянул потуже пояс на животе и взял из сумы, что лежала на земле подле седла, несколько щёток. – Мой Тарантон уже в нетерпении, когда его почистят. Но, предупреждаю, что он хоть и рыжей масти, но с характером, черт такой!

Рыбак поднялся с лежанки.

– Кусается?

– И это тоже. Лягается, как бешеный! Одного моего оруженосца пять лет тому назад, когда совсем лютым был, прибил насмерть – земля ему пухом. Тому показалось, что конь

привык к нему, и мальчишка имел неосторожность убрать руку со спины, обходя его сзади, — развел руками рыцарь. — Да не бойтесь, я покажу вам, как правильно чистить!

— А я и не боюсь... — ответил Уильям, правда ответил безрадостно.

— Между прочим, о Тарантоне заботились больше прочих, — продолжал сэр Рэй. — Просто ему переданся этот дикий нрав — он по крови лютый. Но по силе и выносливости не уступает даже графскому Найхлисту!

Едва завидев хозяина, огненно-рыжий конь с белым чулком на задней правой ноге, наострил уши. Сэр Рэй подошел к нему, потрепал по подстриженной гриве.

— Только меня признает! — заявил безапелляционно он.

Он взял щетки и стал показывать, каким образом следует заботиться о лошади. «Начинать надо с морды... Клещей уже мало, но проверьте... Между прочим, я у вашей кобылы вытащил сегодня одного из-под брюха... Так, на спине шерсть одной щеткой поднимайте, а другой смахивайте грязь... Старайтесь чистить лучше всего под подпругой и где седло. Нежнее морду! Щетка жесткая, не та!». Прикрикивания продолжались, пока Уильям пытался не попасть под нападку коня. Конь нервно перебирал копытами, задирал высоко шею, а порой лязгал пастью с желтыми зубами, как ставнями.

— Что за животное... — простонал Уилл. — Теперь мне начинает казаться, что вы затеяли спор только ради этого!

– Не специально. Но вышло хорошо, согласитесь, – ответил довольный рыцарь, устраиваясь на плоском камне.

– Зачем же вы приобрели такого коня, если он злющий, как демон?

Между тем, Тарантон продолжал измываться над бедолагой: хрипел, задиристо ржал и норовил грызануть. Из ноздрей его с шумом вырывался воздух, как из кузнечных мехов, и Уиллу казалось, что конь этот – не нормальный. Демонический, поди, из породы каких-нибудь зачатых посредством кельпи коней.

А потом и вовсе, пока от него отвернулись в ожидании ответа, Тарантон изловчился и умудрился едва ли не вырвать у рыбака клоч волос, однако тот успел с возгласом отпрыгнуть.

– Как это зачем? Да он великолепен! Не зря говорят, будто у него отцом был сам келпи, наскочивший из воды на кобылицу, – отвечал, посмеиваясь над ситуацией, рыцарь. – Плевать, что страдают другие! Меня признает – а это самое главное. Знаете, во сколько обошелся нашей семье этот рыжий негодяй? Ну-ка? – увидев отрицание, добавил: – Как дом в центре Брасо-Дэнто около Вороньего камня!

– Ого! Не может быть, чтобы конь столько стоил...

– Может. Те, что помельче и ходят под моими конниками, – они много дешевле. Но тоже ценны. Когда гвардеец поступает на службу, он подписывает бумаги и обязуется заботиться о выданном под седло коне. Причем, если чего натво-

рит да загубит его – много лет будет расплачиваться. Теперь вы понимаете, почему сначала заботятся о лошадях, а потом уже о себе? – улыбнулся рыцарь.

– Понимаю, – ответил Уилл.

– Отлично! – одобрительно кивнул сэр Рэй и подошел к Тарантону, успокаивая. – Вот замечательно, щетки давайте сюда. Завтра сами тогда уж почистите Тарантона. А пока пусть он отдохнет с долгой дороги и поест – а жрет он много.

– А мы сегодня будем с вами фехтовать?

– Конечно! Тут уж не отвертитесь! – заулыбался капитан.

Вымотанный после этого невоспитанного коня Уильям вернулся к своей Серебрушке, погладил ее по морде. На это кобыла спокойно вздохнула и потянулась мягкими губами к руке, чтобы отыскать там лакомство.

– Нет у меня ничего для тебя, – приласкал ее Уильям. – Вот ты такая красавица: и проблем не доставляешь, и нрав хороший. И чего рыцари гонятся за этими злыми кусаками?

К нему подошла Йева, кутаясь в свой теплый плащ, поверх которого был накинут отцовский.

– Зря ты так, – шепнула она. – Не все такие, как Тарантон – многие имеют вполне спокойный нрав. Чтобы разозлить нашего Найхлиста, графского вороного, нужно постараться. Он только гнев отца чувствует хорошо, начинает пугаться, а так замечательный и покладистый. А Луниалас – это конь моего брата, – тоже очень спокоен.

Затем она спросила:

– Как тебе тренировки с сэром Рэем?

– Это... Знаешь, я всегда полагал, что махать мечом – это сродни рубке дерева топором, но в бою против сэра Рэя я чувствую себя скорее деревом... – и Уилл улыбнулся.

– Но тебе это все равно нравится, – Йева встала поближе.

– Наверное, да... Но мне кажется, мои удары все равно быстрее и сильнее.

– Естественно, не забывай, кем ты являешься. Ты должен быть сильнее и быстрее его на мечах, но сэр Рэй пока берет опытом, которого у тебя пока нет.

Йева провела по спине Серебрушки. Рука Уильяма, что лежала на теплом боку лошади, поднялась чуть выше и погладила маленькую ручку графской дочери. Та отчего-то грустно вздохнула и поглядела своими зелеными, цвета изумруда, глазами.

– Так ты виделся... с ней, Уилл? – их пальцы сплелись.

– Да, Вериателюшка приходила ко мне у Белой Бетси, а потом и у той реки, где была эта тварь. Спасла меня. Снова, – улыбнулся он сам себе. – Мне уже не по себе от того, что она печется о моей жизни.

– Любит тебя, – задумчиво сказала Йева. – А ты ее?

– Даже не знаю, как это назвать, – тоже погрузился в раздумья Уильям. – Она мне как сестра, как возлюбленная, и как лучший друг все вместе – и ни одно из перечисленного. Когда она рядом, то я спокоен, счастлив... кажется, будто все

беды позади. Но когда ее нет поблизости, я хоть и тоскую, но понимаю, что у нее все хорошо, и на душе тотчас теплеет от этой мысли. Ты когда-нибудь чувствовала что-нибудь подобное?

– Возможно, – уклончиво ответила графская дочь. – Послушай, Уилл. Мне порой кажется, что *она* что-то сделала с тобой, отчего для тебя будет всегда существовать только она одна...

– Не знаю, Йева, – он продолжал поглаживать ее пальцы. – Она же не человек, а демоница.

– Я тоже не человек, – совсем тихонько шепнула девушка и вздрогнула.

Смутившись от этих слов, Уилл посмотрел на нее, на ее блестящие от слез глаза, но она тут же отвернулась и быстро убрала руку со спины Серебрушки под плащ.

– Йева, я тебя не понимаю...

– Да это не важно, уже, – она быстро заморгала, чтобы не разрыдаться у всех на виду. – Смотри, тебя зовет сэр Рэй!

И правда, рыцарь стоял с другой стороны лагеря, на ровной площадке, и махал мечом в воздухе, дабы привлечь внимание. Там же собрались и остальные, тренируясь друг с другом, пока повара готовили ужин.

Леонард стоял в центре площадки. Ветер трепал его рыжие волнистые пряди, которые придерживала черная повязка. В руке у него возлежал меч Рирсуинсорсиан, сверкающий в закатных лучах огромным рубином.

– Ну же, кто следующий? – весело спросил Лео.

Он оглядел куда более рослых гвардейцев, которые переминались с ноги на ногу и не решались вступить в поединок.

– А давайте я! – вышел вперед Мойрон, уверенный в своей победе – противник был ниже его на полголовы.

Толпа разомкнулась, чтобы сделать круг. В этот момент Йева и Уильям приблизились к остальным и встали рядом.

Подобно дикому коту, Леонард мягким шагом закружил вокруг Мойрона. Следя за ним, Мойрон резко подался вперед. Блеснуло острое лезвие в выпаде. Лео изящно увернулся, ударил от бедра, но гвардеец тоже был не дурак – успел парировать и, связав клинки, попытался выбить меч из рук противника. Не растерявшись, тот отскочил и приготовился к размашистому удару – а Мойрон не успевал защититься.

Леонард посмотрел на гвардейца, который отступил побежденным, и красивым жестом укрыв меч в расписных ножнах.

– А вы действительно хороши, – заметил сэр Рэй. – Быстры, ловки, хорошо противостоее даже противнику выше вас. Сразу видно, что над вашей техникой работал сам мастер Адд Фрауд.

– Да, сэр Рэй, у меня хорошие учителя! Но даже лучшие не научат ничему толковому безграмотного ученика, если у того нет задатков, – графский сын заметил свою сестру. Потом, увидев рядом с ней Уильяма, ядовито улыбнулся. – О, а вот и ваш соперник подоспел! Он уже умеет держать

меч с правильной стороны?

– Немного, – капитан тоже расплылся в улыбке, но скорее сочувствующей. – Уважаемый Уильям, вы готовы?

– Относительно, – не соврал тот, выходя вперед и обнажая меч.

Филипп, который сидел на лежанке и вслушивался в бои вскользь, без интереса, вдруг подошел ближе. Перед ним в почтении расступились все прочие, склонив головы. От лица графа веяло холодом, но его синие глаза с любопытством и беспокойством следили за схваткой сэра Рэя и Уильяма. Последнему выдали нагрудник и защиту для рук и ног, в которую он нехотя облачился.

Встав на краю полянки, сэр Рэй с зазывающей улыбкой поглядел на Уильяма. Но Уильям нападать не собирался – его противник был много опытнее, хитрее. Понимая, что его удар мало того, что отобьют, так еще мгновенно и контратакуют, он выжидал. Он настороженно следил за рыцарем, который пошел сначала в левую сторону, потом в правую, раздумывая. Это был не тот бой за холмами, где Уильяму было не стыдно хлебать грязь – теперь десятки пар глаз смотрели на него в ожидании позора. Разгоняя сердце и мысли, он постарался обострить чувства, вспомнить те звериные ощущения, что пробудились в нем в лесу около Вардов во время погони.

Сэр Рэй шагнул вправо. И, быстро разорвав дистанцию, также быстро ударил. Уилл выставил клинок – удар был от-

ражен. Но рыцарь оказался шустрее – он уже развернулся вполоборота, атаковал сбоку. Громко зазвенела сталь, а мечи скрестились, высекли искру. Уильям не знал, что делать дальше – и замер. Желая воспользоваться заминкой неопытного противника и закрепить инициативу за собой, сэр Рэй с ухмылкой тут же напал повторно – выписал в воздухе восьмерку мечом. Не понимая, что это уловка, Уильям силился защититься слева, но клинок нанес удар справа.

Рыбак запнулся и упал, перекувыркнувшись. Вокруг него засмеялись. Клинок был приставлен к его горлу, и Уильям, глубоко вздохнув и изобразив натянутую улыбку, поднял руки в поражении.

– Что же вы пропустили такой простейший финт? – рассмеялся капитан, а за ним и все остальные – Я же показывал его вам вчера!

Вперед вышел Филипп.

– Сэр Рэй, – обратился он негромко к рыцарю.

– Да, мой лорд, – капитан обернулся.

– Не окажете ли мне, старику, честь поединком?

Толпа замерла. Леонард и Йева в изумлении посмотрели на отца, который никогда ранее в поединках замечен не был. И даже сэр Адд Фрауд за все время обитания в замке так и не смог уговорить графа Тастемара скрестить мечи. От такой просьбы капитан гвардии слегка опешил, крепко задумался и, конечно же, не имея права отказаться, согласился.

Облачившись в доспех, Филипп подвязал свои седые

длинные волосы в хвост, затем вышел на кромку поля, которое спешно покинул чумазый Уильям.

Граф обнажил клинок. Меч у него был незатейливым, без гравировок или драгоценностей в навершии, ибо его родовой меч Тастемара – «Рирсуинсорсиан», – сейчас покоился в ножнах Леонардо.

– Может наденете шлем? – засомневался капитан.

– Не переживайте за мою безопасность, сэр Рэй. Побеспокойтесь лучше о своей. Попробуете поддаться – накажу!

После этих слов граф внезапно скакнул в сторону рыцаря, который не ожидал столь резкой атаки. Последовал косяй удар. Его судорожно отбили! Однако Филипп наскากивал уже с другого бока и, вынужденный сменить позицию, сэр Рэй отступил. Дабы не упасть в грязь лицом, он попытался сделать ответный выпад, но седой граф играючи парировал его и с улыбкой на лице уже заносил над головой капитана меч. Тот испуганно попятился, не поспевая. Но капитана не собирались отпускать. И вот граф прыгнул вперед и снова занес меч для удара, справа. Понимая, что это будет явный финт, капитан попытался защититься слева, но не успел – клинок тяжело опустился на его доспех, а сэр Рэй отлетел, как мешок с картошкой. Он перевернулся – и все-таки рухнул лицом прямо в грязь.

Этот бой оказался самым быстрым из всех.

– Что же вы, сэр Рэй, такой простейший финт пропустили, – лукаво сказал Филипп. Его синие глаза, обрамленные

морщинами, смеялись и довольно блестяли. — Уж вам ли, опытному фехтовальщику, не знать о нем?

— Я вас понял... господин, — Рэй поднялся на ноги, пошатываясь из-за сбившегося дыхания, и виновато обратился уже к Уильяму: — Прошу... извинить меня за издевки!

Тот лишь смущенно кивнул.

Толпа удивленно взирала на старого седоволосого графа, который только что играючи расправился с лучшим мечником Солрага. Сняв доспех, Филипп как ни в чем не бывало удалился, вновь устроился на лежанке и достал из седельной сумки книгу.

— Да чтоб меня! Как же так, — говорил ему вслед сэр Рэй. — Такая скорость, такая силища!

Тренировочные сражения продолжались, пока повара не известили уже порядком изголодавшихся воинов о готовности блюд. Впрочем, запахи сами заставили всех забыть обо всем на свете и прийти под наспех сооруженный навес. Люди сидели на лежанках и ели в темноте, ловко орудуя ложками, ну а сэр Рэй же тихонько охал и постоянно касался места, куда пришелся удар графа.

* * *

За пару часов до полуночи, когда все уже спали, Филипп взял ножны и бесшумно подошел к Уильяму, толкнул в бок. Тот намек понял, подскочил. Филипп двигался быстро, жи-

во, словно молодой, и в восхищении перед такой кипучей энергией Уильям безо всякой опаски шел за ним хвостом.

Когда они отделились на достаточное расстояние от лагеря, Уильям обратился к графу:

– Спасибо вам.

– Пожалуйста. Сэр Рэй не имел права укорять тебя, держащего меч второй-третий раз в жизни, в том, что ты пропустил финт, – пожал плечами граф. – Не сравнивай себя ни с ним, ни с моим сыном – у них у обоих с детства были лучшие учителя. Я лично привез для своего сына пожилого наставника – вампира из самого Вильгельма.

– Но разница между вами и сэром Рэем была, как между мной и сэром Рэем, – осторожно заметил Уильям.

– Да, но мы же не люди с тобой, Уильям... Не забывай, что мне почти пятьсот лет. Я и так сильно замедлял себя, чтобы не быть слишком быстрым для воинов, и бил слабее положенного.

– Невероятно!

– Все вероятно... Ты неопытен, поэтому и проигрываешь. Даже месяц практики с нормальным мастером, а не нашим сэром Рэем – и ты бы их всех с легкостью уделал, – улыбнулся граф. – Пойдем, пройдемся еще вон до того деревца и назад. Я хотя бы буду спокоен, что ничего не вылезет ночью из воды.

– Господин?..

– Да, Уильям.

– Быть может, если вам не трудно... Вы, кхм... можете преподавать мне урок? – очень вежливо спросил Уильям.

– Хм, – задумался граф. – Почему бы и нет? Но до того деревца давай дойдем.

Меся грязь, они направились вдоль ручья к одинокой иве, что стояла согнутой на низеньком холме. Оттуда откроется вид на раскинувшиеся вокруг заболоченные луга, луга тихие, зыбкие и зловеще молчаливые.

– Интересно, посол уже добрался в Офуртгос к Райгару Хейм Вайру или еще в пути? – спросил негромко Уильям. – Как я понимаю, Райгар не очень жалуется гостей...

– Да, но им ничего не угрожает. Райгара нет в Офурте, – улыбнулся Филипп.

– Как это?

– Он же, как и мы, отправился на твой суд, Уильям. Зная постоянные проблемы с мостом на Западном тракте, Райгар должен был отбыть из Офуртгоса перед началом сезона дождей.

– То есть выходит, что посол Ханри приедет в пустой замок, развернется и уедет?

– Да. Но за долгую дорогу Лейт Дорелгоф, командир моего эскадрона, добудет из людей посла всю нужную мне информацию, – ответил Филипп.

– Ого... Вы и впрямь всё продумали...

Наконец, они дошли до одинокого и скрюченного дерева, которое в лунном свете напоминало старуху с сухими рука-

ми, узловатыми пальцами и длинными редкими волосами. Оглядывая болота, два вампира силились узреть во мраке опасности, таящиеся в скрытых местах, среди кочек и трясины.

– Еще день пути, и будем в Тельях, – граф показал рукой направление, куда отряд собирался тронуться поутру. – Дальше несколько дней по окраине болот, по Маровскому лесу. За Маровским лесом осушим несколько заключенных в городке Орл, он очень приличный по размерам, а комендант тюрьмы там – вампир. Его предупреждали. Перейдем Мертвую Рулкию – и там уже по общему тракту к Йефасе.

– И много старейшин соберется в Йефасе?

– Хм... Ну, сезон сейчас нехороший, северянам тяжело добираться, так что думаю, что с десятков представителей ты увидишь.

– Скорее бы... – отозвался Уильям и вздохнул.

Филипп тоже глубоко вздохнул и не ответил, только тяжело посмотрел на отвернувшегося спутника – тот любовался лугами в свете луны, думая о чем-то своем. Отойдя от скрюченной ивы, граф достал меч из своих ножен.

– Ну что ж, давай поучу тебя, правда, давно я этим не занимался. Если понравится, то могу по ночам тренировать где-нибудь подальше от лагеря. – Филипп красиво прокрутил меч кистью, разминаясь. – Я, как и ты, не любитель шума и зрителей.

– Сэру Рэю сказать, что он может больше не тратить на ме-

ня время? – Уильям оголил клинок.

– Нет, пусть учит тебя как человек. Я попробую другой подход – как видишь, мы с тобой без доспехов.

Филипп действительно оказался очень опытным фехтовальщиком. Да, он не щадил, да, заставлял отбивать удары, уворачиваться, сбивая дыхание, и бороться за свою жизнь, как в реальном поединке. Но за весь бой острие его меча ни разу не коснулось Уильяма – клинок всегда останавливался вовремя, порой в опасной близости от шеи или груди.

Уильям же напротив изо всех сил старался, но так и не смог дотянуться до Филиппа. Разница между сэром Рэем и графом была разительна – меч в руках Филиппа походил на коготь хищника, неотъемлемое продолжение его руки, и с ним он передвигался молниеносно, подобно какому-нибудь демону из легенд.

Тем не менее, своего неуклюжего оппонента граф ни разу не укорил – он спокойно указывал на ошибки и показывал, как делать правильно в той или иной ситуации. Через час запыхавшийся, но довольный Уильям душевно поблагодарил Филиппа, и они вернулись к лагерю.

* * *

– Почему здесь так мало поселений? – спрашивал гвардеец Мойрон, которому хотелось по-человечески выспаться, не на земле. – Я слышал, что южнее Брасо-Дэнтто городов,

как чертей в амбаре, а нам за четыре дня пути встретилась лишь одна деревня.

– Места дурные, – ответил сэр Рэй.

– А что здесь дурного, капитан? – непонимающе уставился конник.

Но за сэра Рэя ответил граф, который ехал позади.

– Все, что ты слышал, касается юго-запада и юга Солрага, – сказал Филипп. – А здесь же низина – рядом болота, которые часто горят, от нескольких дней до пары лет. Никому не хочется жить рядом с горящей землей, в дыму и страхе. Тем более, восточнее обитают болотные гарпии, а если углубиться в Маровский лес, то там – вурмы. Нехорошее соседство: прожорливое и опасное.

Мойрон вздохнул, ловя себя на мысли, что граф, похоже, слышит вообще все. Смеркалось, очертания местности расплывались в наступающей беззвездной ночи. Когда все стали располагаться на месте будущего ночлега, Уильям спрыгнул с Серебрушки, взял ее под уздцы и повел к сэру Рэю – тот постарчески тяжело сползал со своего рыжего Тарантона. Сделав пару шагов, капитан искажил лицо в гримасе страдания и схватился за грудину.

– А-а-а, Уильям, хорошо, что сами подошли. Вы помните свои обещания?

– Я все помню. Давайте сюда Тарантона, а потом уже проведем поединок, – предложил Уилл.

– По поводу поединка... – и рыцарь болезненно выдох-

нул. — Давайте сегодня пропустим, потому что, признаться, после удара нашего доблестного графа я не готов. Черт возьми, даже дышать тяжело... Я стреножу Тарантона, а вы почистите его, потом привяжите к коновязи, — сказал капитан. Когда он помог стреножить Тарантона, то заковылял с дорожными сумками и седлом к костру, чтобы погреться и отлежаться. — Что за удары, поверить не могу... Что бревном приложили!

* * *

Ведя двух лошадей за холмы, ближе к ручью, Уильяму то и дело приходилось уворачиваться от пытающихся укусить его зубов. За это он пытался корить Тарантона, но морда того, хитро-наглая, выражала только лишь счастье от своего свинячьего характера. Лагерь скрылся из поля зрения. У воды Уилл стреножил и свою Серебрушку, на что она ласково глядела своими бархатными глазками, и он принялся чистить сначала ее: работал щетками, отирал ее пучком травы, заботливо прочесывал ей гриву.

Закончив одно дело, Уильям со вздохом поглядел на Тарантона. Ну что же, очередной бой!

Стоило капитанскому коню почуять, что за него сейчас примутся, он тут же воинственно заржал и брыкнул. Его попытались обойти — но и тут он развернулся задом. Всем своим задиристым видом он прямо говорил, что, поди-ка, готов

биться с неумелым рыбачком до изнеможения. Так и ходил вокруг да около Уильям, так и наблюдал лишь обращенный к нему конский круп с раздраженно машущим хвостом, пока не услышал знакомый всплеск. Из ручья показалась Вериатель. Бросив щетки на землю, он тогда подскочил к ней, радостный, и принялся расцеловывать.

– А я уж думал, что здесь мелко для тебя, – сказал счастливо Уилл.

Веритель лишь мотнула головой, вырвалась из объятий и, пританцовывая, приблизилась к лошадям. Те стояли, замерев – не боялись. Серебрушка мирно пощипывала остатки травы, вытягивая ее мягкими губами под корешок, ну а Тарантон вмиг перестал брыкаться и повернулся. Сначала демоница погладила серую лошадку, затем скакнула к капитанскому коню – и обвила белыми ручками его рыжую наглую морду, которая сейчас выражала покорное смирение.

– Не верь ему, Верителюшка, – пожаловался Уильям. – Он тот еще негодник! Очень невоспитанный!

На это Вериатель только рассмеялась, громко и чисто. Ее смех донесся до чутких ушей графа Тастемара. Вернувшись к своему возлюбленному, она повела его, словно ребенка, пока не возложила его руку на нос присмирившего рыжего коня. Потом она, слегка постанывая, приласкала коню его крепкую шею, уши, морду, – и тот радостно зафыркал. А когда демоница отскочила в диковатом прыжке, то Тарантон так и продолжил радостно фыркать, только уже в отношении

стоящего рядом с ним Уильяма.

– Вериателюшка, – все понял тот, – как же мне тебя отблагодарить?

Ему, конечно, как всегда, ничего не ответили. Вериатель только томно поглядела из-под ресниц, а Уильяму отчего-то вспомнился тот день на озере, и он сладострастно потянулся к ней. Но демоница от него игриво отпрыгнула – и через миг на ее месте скакала темно-мышастая кобыла с вороньей гривой.

– Вот ты шкодница, все не даешься, – рассмеялся Уилл. – Эх... Мне бы дудочку сюда. Я бы сыграл что-нибудь веселое для тебя!

Из-за холма донеслись звуки пения. Это у костра запели люди, наевшись жареных перепелов и зайцев, отогревшись и наблюдая ушедшую далеко за горизонт тучу. А затем, вслед за ними, зазвучала уже и серебряная флейта. Флейта была куда тоньше голосом, тише, но Вериатель более всего удивилась именно ей – и прислушалась, водя ушами.

Пока лунный свет падал на речушку, на ее берегу довольная кельпи выделявала кульбиты, брыкалась, подскакивала и приземлялась попеременно на разные ноги. А потом, в каком-то неистовстве, сокрытая от глаз гвардейцев холмом, она и вовсе обернулась черной демоницей со страшной пастью, усеянной кривыми зубищами. Скача брюхом и хвостом по земле, извиваясь, подобно рыбине, она подползла к Уильяму.

Тот совсем не испугался, скорее удивился – за долгие годы знакомства Вериателюшка представляла перед ним в своем истинном облике нечасто. «Ты у меня красавица», – шепнул он, любуясь.

В волнении он дотронулся до нее, до ее черной кожи, липкой, мягкой, такой не похожей на человеческую. Ее кожа будто дышала под его пальцами. Пока Уилл разглядывал ее, перед его лицом схлопнулись капканом острые зубища – но он даже не вздрогнул. И, довольная своей шуткой, кельпи тогда ласково облизнула его длинным вывалившимся языком. Она растянулась змеей, скрутилась вокруг рыбачка в несколько колец, не сжимая их, и вздохнула, казалось, всем естеством разом. Уильяма захлестнуло странное ощущение единения – он гладил ее, погружаясь в нее рукой, касаясь напоминающей водоросли гривы, склизкой морды, на которой будто плавали зубы и ярко-голубыми глазами. А потом флейта утихла... Тогда, еще раз облизнув мужчину, кельпи поползла к воде мимо тихо ждущих Серебрушки и Тарантона – и сокрылась в ручье, растворившись в нем.

Ну а Уильям осторожно вернулся к лошадям и, убедившись в миролюбивости рыжего, закончил чистку и повел их обратно в бивуак.

– Как успехи? – поинтересовался сэр Рэй, развалившись на лежанке. – Не укусил?

– Нет, все замечательно, – улыбался рыбак, еще не отошедший от странного чувства. – Вы всё-таки пропустите се-

годня нашу тренировку?

– Боюсь, да. Прошу меня извинить, мне нужен покой, – кивнул рыцарь и, укрывшись льяняником, свернулся клубком.

В лагере начали устраиваться на ночевку. Йева лежала под двумя одеялами. Две лежанки – Леонарда и Эметты – были соединены друг с другом, и пара обнималась во сне. Было тихо, безоблачно, бледно светила луна, а Уильям продолжал вспоминать свою кельпи у реки, пока не услышал, как Филипп поднялся и взял ножны. Тогда он последовал его примеру, и они оба скрылись за изгибами холма от глаз любопытного часового. Примерно через час, может чуть позже, они вернулись. Уставший и опустошенный Уильям тут же забылся глубоким сном.

* * *

На рассвете шестого дня путники готовились продолжить свое путешествие на юг. Уильям уже куда более умело, твердой рукой, подготовил Серебрушку к дороге и даже успел помочь Йеве. Та взглянула на него с затаенной благодарностью. Они не могли и не желали обнажать свои отношения, как это делали Эметта и Леонардо, хотя, надо сказать, все эти попытки с помощью говорили сами за себя – многие вокруг уже начинали догадываться.

Тут неподалеку раздался шум. Все повернули головы.

Это сэр Рэй тщетно пытался оседлать своего рыжего коня, а тот все не давался и убегал. «Да что с тобой, Тарантон? Какая гарпия тебя грызнула? Иди сюда, скотина, я сказал!» — капитан злился и продолжал нелепо гоняться с седлом в руках. Уильям подъехал ближе, удивленный, и как только Тарантон заметил его, так сразу остановился и приветственно заржал. Тогда сэр Рэй уж было решил, что ржание предназначено ему и быстренько все сделал, в конце закинув сумы через луку.

— Вот так и надо было сразу... Как смел ты хозяина не слушаться, а, Тарантон? — поучительно погрозил пальцем он и вставил ногу в стремя.

Все это время конь глядел только на Уилла — и счастливо ржал. А вот тот чуял неладное. Действительно, стоило сэру Рэю усадить свой крепкий зад, как Тарантон это понял — и в безумии встал на дыбы. Чтобы не попасть под его тяжелые копыта, все кинулись в рассыпную. Перепуганный капитан всячески пытался утихомирить животное под собой, но оно, понимая, что всадник еще в седле, потеряло всякую меру, взбесилось. Схватка между ними становилась все ожесточеннее, злее, пока машущий руками Уильям не бросился к Тарантону, чтобы привлечь его внимание.

— Куда лезете! — заорали ему гвардейцы.

— Прибьет!

Только Тарантон тут же замер, позабыл обо всем и пошел в сторону зовущего, покачивая головой и уронив хвост.

И все это время сидящий на нем рыцарь то натягивал поводья, то сжимал шенкелями бока – а все безрезультатно. В конце концов, раздосадованный сэр Рэй спешился. И тут же рыжий конь увидел его, опять озверел – и распахнул пасть. Вцепившись в капитанские рыжие волосы, он выдрал приличный такой их клочок и от этого нагло-радостно заржал. Отпрыгнувшему с воплями сэру Рэю, который отчаянно схватился за голову, только и оставалось наблюдать, как его огромный Тарантон приблизился к Уильяму и потерся об него.

– Ох, Ямес... – только и смог выдавить из себя Уильям, который осознал все до конца.

А Филипп, который тоже все понял, громко захохотал. Одни только ничего не понимающие гвардейцы смотрели то на хохочущего графа, то на Уильяма, то на обескураженного капитана.

– Что здесь творится?! Что вы сделали с моим конём?!

– Я ничего не делал, сэр Рэй! – попытался оправдаться рыбак.

Граф продолжал заливисто смеяться, прикрыв рукой рот, дабы не показывать клыки. Лео и Йева переглядывались. Уильям шагнул в сторону от лошади, но та, будто верная собака, затрусила следом за своим любимым хозяином.

– Я... – пробормотал Уилл. – Я сожалею, что так вышло. Попробую все исправить!

– Исправить? Почему, да какого черта он ластится к вам,

а меня не признает? – кричал рыцарь. Он уж было снова сделал решительный шаг к своему коню, но тот лишь клацнул зубами в воздухе, мол, попробуй-ка.

– Я сейчас вернусь, – сказал Уильям.

Он силился остановить Тарантона.

Однако конь продолжал неотступно следовать за ним, бережно хватался губами за ворот гамбезона, терся носом, вздыхал на ухо – в общем, выказывал любовь. Уильям от этой влюбчивой скотины всячески отмахивался. Тарантон не сдавался, старался еще больше. Так они и шли к реке, пока рыбак не выдержал, не оттолкнул от себя мохнатую морду и не ткнул в нее гневно пальцем: «А ну сиди тут, жди меня! Я скоро вернусь!» И на глазах всех... Огромный конь вдруг плюхнулся на землю, вытянул на задние ноги, будто человек, – и смиренно заржал. Все вокруг опешили. В толпе зазвучали нервные смешки. Уже почти успокоившийся Филипп вновь рассмеялся с новой силой. Пользуясь заминкой, покрасневший рыбак побежал за холмы, периодически оглядываясь, ну а Тарантон, когда видел его взгляд, каждый раз фыркал, как бы напоминая, что будет ждать.

К ошеломленному капитану подошел Филипп.

– Не переживайте, сэр Рэй, думаю, что Уильям все исправит. Ну а если не исправит, я за это заплачу, – потом, оглядев коня, граф хохотнул. – И правда сидит! Хорошо, что он ему не приказал на дерево взобраться! – и он смахнул набежавшие слезы платком.

– Господин, что здесь происходит!? – жалобно вскрикнул сэр Рэй, также наблюдая сидящего на задних ногах коня.

– Я думаю, кхм, подруга Уильяма решила помочь ему и заколдовала вашего мерина вчера вечером, когда он не давался чистке. То ли ненароком, то ли она так пошутила... но бедный Тарантон теперь воспринимает как хозяина только лишь Уильяма. И ведет себя чудно, – развел руками граф и снова рассмеялся.

– Какая такая подруга? – насторожился капитан.

– Есть у моего гостя одна очень старая знакомая, что неотступно следует за ним всю нашу дорогу.

Из-за холма вернулся красный, как рак, Уильям. Винова-то почесывая затылок, он подошел к ждущему его капитану и произнес:

– Сэр Рэй... Прошу простить меня за то, что произошло. Но я пока не могу это исправить... Кхм, тот, кто это натворил, не хочет вылезать из воды.

– И что мне теперь делать?!

– Ну... – Уилл заметил, как граф лукаво взглянул на него. – Ну я могу попросить повезти вас, – желая провалиться под землю от стыда, он подошел к фыркающему мерину. – Тарантон, Тарантоша, а повези, пожалуйста, сегодня уважаемого капитана... А к вечеру мы тебя снова перевоспитаем.

Конь недовольно фыркнул, но все-таки послушался, поднялся и направился к капитану. С осторожностью тот взо-

брался в седло, также осторожно поддал пятками. Тарантон повернул к седоку шею, прижал уши к голове и оскалил желтые зубы. Побледневший рыцарь обратился к виновнику:

– Ямес вас побери! Я больше не буду спорить с вами!

Ну а Уильям же, под взглядом всего отряда, взобрался на свою серую кобылу и смущенно последовал за отрядом.

Весь путь до Тельи многие весело поглядывали то на него, то на рыжего коня, который брел неподалеку, всячески привлекая к себе внимание ржанием. Только к обеду сэр Рэй, поначалу хмурый, молчаливый и непохожий сам на себя, немного подуспокоился. И уже начал не так злобно поглядывать в сторону Уильяма. Когда же отряд растянулся длинной вереницей, рыцарь отпустил поводья, и конь, почувствовав волю, тотчас направился к своему истинному хозяину.

– Может, вы все-таки проясните ситуацию, что случилось с моим Тарантоном, а?

– Кхм, сэр Рэй... Это вышло случайно! Клянусь. Ваш конь не давался для чистки, и кое-кто помог мне успокоить Тарантона. Видимо, перестарались, – развел виновато руками Уильям. – Я надеюсь, сегодня все исправлю.

– Я тоже на это надеюсь, – ответил капитан, возмущаясь. – Вы же лишили меня моего коня, понимаете? Эта скотина теперь лишь делает одолжение, что везет меня, своего хозяина, по вашей просьбе.

От этих слов рыжий Тарантон повернул свою красивую могучую шею к всаднику, оскалится, обнажил желтые зубы.

– Ну что это такое?! Был ведь нормальный, вредный конь. Мой конь! – продолжил возмущаться сэр Рэй, уже сильнее. – Стоит вам отъехать, и он не преминет возможностью скинуть меня и растоптать.

– Я попрошу вечером на привале перевоспитать Тарантона. Главное, чтобы рядом была река.

– Река? – удивился сэр Рэй. – С каким же существом вы водите дружбу, демоны вас побери? Русалки?

– Поверьте, это не важно.

Уилл поторопил свою спокойную серую лошадку касанием пяток. Но Тарантон тут же сам догнал его, зафыркал, отчего капитан вновь ухмыльнулся:

– Если не расколдуете моего коня, то мое обещание о том, что мы успеем надоесть друг другу, сбудется...

– Да я же уверил вас, что все сделаю!

– Хорошо-хорошо, предположим, я вам верю, – кивнул капитан. – И все-таки, кто же она?

– Ох, почему это вам так интересно?

– Просто интересно! Нельзя же быть таким молчуном, Уильям, нужно уметь поддерживать разговор, – проворчал сэр Рэй, затем добавил уже ласковее. – Смотрите, граф в самом конце вереницы, а мы в начале. Ну хоть шепните, чуть намекните! Одно словечко, мне больше не нужно!

– Не буду, извините, – отвернулся Уильям.

– Можете пальцем в воздухе какую-нибудь шараду изобразить. Я в детстве их хорошо разгадывал.

– Ох, нет, сэр Рэй!

– Ну вы и зануда, – ухмыльнулся рыцарь и тоже отвернулся.

Подвесив шлем на седло, он поправил свои рыжие вьющиеся волосы, из которых теперь был выдран клочок, и попытался наладить отношения со своим Тарантоном – так сказать, разобраться со всем сам. Он приласкал его, но огромный конь только лишь повернул шею и скрылся. И рыцарь на это обреченно вздохнул.

* * *

Они были в пути уже несколько дней, проехали Черные Тельи и теперь направлялись к городку Орлу. Пейзаж разительно менялся. Дорога пролежала среди куцых низкорослых деревьев. Ольха и ивняк, сбросившие листву, торчали скелетами около застойных болотных озер. «Хм, а двадцать лет назад здесь стоял сосняк, – задумчиво говорил Филипп, осматриваясь. – Да, заболачивается Маровский лес... Скоро совсем пропадет...»

За пригорком их ждал сплошной частокол, имеющий перед собой ощерившийся кольями ров. Еще на подъезде к Орлу в нос ударил кислый запах гнили, и вампиры, как наиболее чуткие, все как один поморщились. Перед воротами их встретила пара вооруженных копьями стражников, одетых в меховые жилеты.

– Кто будете? – спросил один.

– Граф Филипп фон де Тастемара, ваш лорд, – возвестил сэр Рэй и захотел подъехать ближе, но конь его не послушал. Тогда он вздохнул и громко добавил: – Позовите вождя! Вас должны были предупредить о приезде графа.

Чуть погода из-за деревянных, покосившихся ворот, высотой в три человеческих роста, выбежал полный мужчина – вождь. Был он уже в годах, лыс и одевался в простое многослойное платье, подпоясанное демонстрирующим его статус зеленым кушаком. «Да, да, господа, проезжайте,» – глубоко поклонился он, не сумев скрыть удивления.

Минуя ворота, верховой отряд двинулся по единственной улице, пока не выехал на центральную площадь. Здесь, как и в Вардах, в небо вздымался позорный столб – и Уильям от этого нахмурился. Все в городке было обветшалым, неаккуратным, говорящим прежде всего о долгой и беспросветной нищете жителей. И тем разительнее на этом фоне выделялся большой постоялый двор.

– Сколько мест на постоялом дворе? – спросил сэр Рэй. Затем, видя, что вождь растерян, продолжил. – Чего молчишь, а, вождь? Чего глядишь так? Господин твой явился! Спрашиваю, хватит ли нам всем мест на постоялом дворе?

– Ах... Просто... нас не предупредили о вашем прибытии... – начал вождь. – Вы за налогами?

– Должен был прибыть к вам гонец, – сказал рыцарь. – Впрочем, не твое дело, зачем сюда явился граф. Еще раз

спрашиваю, места есть?

– Конечно, есть, господин, – и вождь растянул полные губы в вынужденной улыбке. – Вы не смотрите, что мы на болотах живем... Этой тропой часто следуют из Филонеллона. У нас полтора десятка хороших комнат, большая таверна, прекрасные конюхи.

– Подготовьте!

И, спешившись, сэр Рэй покосился на Тарантона, а тот, в свою очередь, тоже косился своим огромным глазом. Кажется, он примеряется к огненной капитанской шевелюре – как бы отщипнуть от нее еще немного. Так происходило на протяжении нескольких дней. Это был худой мир, но пересаживаться на запасную лошадь капитан не желал из чувства гордости.

К нему подошел Уильям и повел коня за постоянный двор, чтобы сдержать свое обещание. Когда все уже отдыхали, он чистил Серебрушку и Тарантона. А пока он это делал, рыжий конь, донельзя ласковый, нежный, впечатывался своими мягкими губами в его руки, лицо и довольно пофыркивал. Ну а рыбаку приходилось терпеть проявления влюбчивости несчастного животного, ставшего жертвой колдовства.

Еще позже на постоялом дворе его ждал сэр Рэй, разлегшийся на кровати в своем красном поддоспешнике.

– Как там наш Тарантон поживает? – спросил он с хитрой улыбкой. – Расколдовали, а?

– Я позже обязательно отведу его на озеро.

– Ага, замечательно... Я бы предложил вам пойти со мной в таверну. Но что-то мне подсказывает, что вновь откажете, – сказал капитан, вытряхивая камешек из сапога.

– Да, сэр Рэй. Я побуду здесь либо прогуляюсь по окрестностям, – кивнул с мягкой улыбкой вампир. – Мы будем сегодня тренироваться?

– Спрашиваете!? Пойдемте сделаем это прямо сейчас. Я тогда как следует разомнусь, нагуляю аппетит, а затем пойду есть. Думается мне, что сегодня я уделаю целого поросенка!

Они взяли свои мечи, надели нагрудники и покинули постоянный двор. В этот раз, устроившись на окруженной колючим кустарником полянке, они занимались недолго – быстро стемнело. Но сейчас Уильяму начинало казаться, что, изучая основные приемы фехтования, он уже может предсказать действия сэра Рэя. И пусть сэр Рэй еще побеждал его, пусть клинок его был стремителен, а действия – выверены, но рыбак уже вполне за ним поспевал.

* * *

– Должен признать – вы стали шустрее. Уже не так отвратительно плохи!.. – произнес запыхавшийся капитан, когда они возвращались с полянки. Он отирал со лба пот. – Все-таки замечательный из меня учитель, согласитесь.

– Соглашусь, – мягко улыбался Уильям, ничуть не устав.

– Темнеет. Поторопимся! Хочу поесть и продегустировать

местные блюда!

– Разве это не одно и то же?

– О нет. Это приятные дополнения друг друга, – в карих глазах рыцаря блеснуло вожделение, и он громко вздохнул.

– Я вас понял... – до Уильяма дошел вкладываемый в слова смысл. – Тогда действительно пора спешить.

Они вернулись в Орл.

Дело близилось к ночи, темнота оплетала все вокруг. Вставали страшными силуэтами сосны-одиночки, и мимо них в городок спешно стекался местный люд: с рыбой, деревом, тушками животных, травами и ягодами. А на площади, под позорным столбом, были граф Тастемара и вождь. Граф слушал обеспокоенного вождя, который размахивал своими белыми пухлыми руками в желании оправдаться.

– Да, да, господин... Вот такая вот у нас ситуация...

– Почему ты не выслал гонца? – сурово спрашивал Филипп, скрестив руки на груди. – Ты понимаешь, что своим молчанием создал опасность для всех, кто мог бы избрать другой путь? Что из-за тебя погибли люди – мои люди?

– Мой лорд, – тряс вторым подбородком вождь, – здесь же и так проезжают лишь те, кто живет севернее. Да рыжеволосые филонеллонцы... Им-то деваться некуда! Прут по этой тропе – и разве ж их остановишь страшилками про чудищ? У них своих страшилок-то хватает, местных. Да они уже бывалые! Вон, в прошлую ночь несколько человек спокойно переночевали и тронулись в путь дальше, живые же... А ваш

гонец-то может заплутал!

– Ты не припирайся, дурак. Виселица рядом, – сказал ледяным голосом граф, вскинув взор на позорный столб.

От этого вождь сделался бледным и усердно закивал головой, мол, все понял. Жизнь-то ему была дорога. А между тем, задумавшийся Филипп, наконец, заметил приближающихся сэра Рэя и Уильяма и обратился к ним:

– Еще кто-нибудь остался за воротами?

– Нет, – ответил капитан. – Другие уже в таверне ужинают.

– Хорошо, потому что ворота скоро наглухо закроют.

– Почему? – удивился сэр Рэй.

Действительно, слышались громкие возгласы, а стражники схватились вшестером за створки ворот, закрыли их изнутри на засов. Город Орл оказался отрезан от окружающих их сырых и глухих болот. Тогда граф принялся объяснять:

– В конце лета болота, их центр, долго полыхали. Из-за этого многие его обитатели перебрались поближе к окраинам.

– Так вот почему ехидна оказалась в той реке? – понял Уильям.

– Да... Все из-за пожара. На наше счастье, самые опасные демонические создания, которых нам стоит остерегаться, охотятся ночью.

– И как это связано с Орлом? – нахмурился капитан.

– Эти болотистые земли не миновала та же участь, что и ту

реку. Вождь говорит, что еженочно к их воротам приползает болотное чудовище и исчезает только с рассветом. Потому они и запираются. Потом, кстати, отдай приказ нашим выставить дозор, а то местным доверия нет.

К ним всем подошел худощавый мужчина, кутающийся в составленный из мелких шкурок плащ. Потянув носом воздух, он поклонился:

– Мой лорд, – сказал он, – меня зовут Аудерл. Я – комендант тюрьмы. Уважаемый Него Натифуллус писал мне... насчет ревизии в тюрьмах.

– А, да, Аудерл, – ответил граф. – Я готов осмотреть состояние тюрьмы и отчеты по ним. Уильям, следуй за мной!

На края городка, впритык к частоколу, располагалось двухэтажное старенькое здание. Пара окон, покосившаяся крыша и одинокая ива, что росла подле, – символизировали обреченность этой тюрьмы. Комендант позвенел связкой ключей, снял замок с крепкой двери и вошел внутрь. Филипп и Уильям последовали за ним. Безо всяких ламп они, прекрасно ориентируясь в темноте, спустились в подвальное помещение. И здесь, в жутких условиях, среди плесени, гнили, они обнаружили нескольких человек, которые тихо сидели в кандалах, с мешками на головах и, судя по всему, кляпами во рту. Заслышав звуки, узники обеспокоенно загремели и замычали.

– Почему ты их так содержишь? Хуже, чем скот, – едва ли не с угрозой спросил граф.

– Хозяин... а их здесь уже быть не должно, – развел руками Аудерл.

– Что это значит?

– Раньше-то как было, хозяин... – ответил поспешно комендант – Когда мы приговаривали к смерти, то смертнику-то давали ядовитый отвар: из змей-травы да упырника. От него люд погибал во сне. А потом я их в топи отвозил и скидывал. Ну а если надо было, я люду другой отвар давал, просто усыпляющий, и убивал потом, как есть... Затем выпивал и уже топил.

– А сейчас как?

– Сейчас наш вождь устраивает смертную казнь, просто выставляя люд за ворота, затемно. А там с ними того... живо расправляется Многоголовая... Вождь-то о вашем прибытии не знал. А я из тех писем уважаемого Него, когда вождь их мне зачитывал, сразу сообразил – вас ждать надобно. Потому и писали же про ревизии, верно? Чтобы сохранить этот люд до вашего прибытия, я и затаил их в подвал. С той луны врать приходилось – изгалялся. Один будто от болезни скончался, я тогда вывез набитое тряпье под видом тела. Про второго, что убежал... И так со всеми ними – долго они здесь томятся уже.

Филипп сначала сделался белым, но уже через миг лицо его вспыхнуло злобой, и он громко выругался:

– Дубоум!

– Кто? Я?! – перепугался Аудерл, думая, что это относится

к нему.

– Вождь ваш дубоум! Своими действиями погубит всех вас.

– Но почему, хозяин?

– Потому что ехидна и является сюда от того, что нашла здесь кормушку. После такого в свои болота она уже не вернется!

Впрочем, граф взял себя в руки, подуспокоился и задумался. Затем он шагнул в сторону одного из заключенных.

– Уильям, пей одного, быстро! У нас мало времени! – приказал он и, схватив первого попавшегося, вцепился ему в глотку, не снимая мешка с его головы.

Тот, с кляпом во рту, что-то промычал, дернулся – и затих.

Чувствуя, что надобно поторопиться, Уильям взялся за второго, поморщился от исходящих от него запахов и также припал к нему. Он уже странно привык к тому, что всякая его жертва – несомненно виновна. Убийцы. Насильники. Он уже смирился с этим. Но именно сейчас, из воспоминаний, он вдруг понял, что этого несчастного селянина осудили на смертную казнь всего-навсего за воровство курицы. И тогда Уильяма охватил стыд, но, сдержав этот недолгий порыв пощады, понимая, что узник все равно не избежит своей смерти, – он допил его. А закончив дело, в тревоге посмотрел на графа, который платком торопливо доводил губы до белизны.

– Господин... – шепнул Уилл. – Скажите, неужели за воровство курицы теперь приговаривают к смерти?

Филипп резко повернулся к коменданту. Тот лишь кивнул.

– Теперь наш вождь карает за малое, – сказал Аудерл. – А сам забирается на дозорную башню, что подле ворот. И глядит, как люд утаскивают, – и он потупил взор. – Барт немного «того» стал, когда появилась эта Многоголовая... Говорит – это божья кара, которую надобно умиловить.

Сорвавшись с места, граф направился к выходу. Уильяму осталось только устремиться следом, пока им вслед со словами «Для меня была честь лицезреть вас, хозяин» почти до земли бил поклоны служащий графу комендант.

* * *

Ночь сгустилась. Сизый туман окутал улицу – обычное явление для болотных земель, – однако был он неприятным. Филипп вместе с Уиллом покинул тюрьму, ища глазами вождя. Отовсюду, из-за приоткрытых ставней, из щелей, из-за углов, зыркали обеспокоенные жители. Все ждали ее, *Многоголовую*... А вождь будто провалился сквозь землю. Тогда, чтобы не тратить понапрасну время, граф стремительным энергичным шагом, не свойственным такому почтенному возрасту, заторопился к постоялому двору.

Поднявшись на второй этаж, он без стука распахнул дверь

в комнату своего сына. За ним неотступно следовал Уильям, который еще не решил: стоит ли ему уйти или он еще может понадобиться. От этого он и затоптался на пороге, не смея войти.

Своего сына Филипп застал со спущенными шосссами и брэ, у кровати, на краю которой стояла на коленях Эметта с оголенным задом. Увидев вошедшего графа, она взвизгнула, но не от стыда, а скорее от женской привычки – и одернула платье. Леонард выругался.

– Отец, какого... Что случилось?! – воскликнул он, дрожа от негодования.

– Что случилось. Что случилось. Кар-р! – повторил ворон Таки-Таки, до этого внимательно наблюдавший за своим хозяином.

– Потом дотрахаешь! Бери лук, живо за мной! – приказал Филипп и так же быстро покинул комнату, как и вошел. Затем он сказал Уильяму: – А ты возьми меч, на всякий случай. Поможешь, если что пойдет не так. И позови сэра Рэя, пусть с людьми тоже стережет деревню! Отоспимся днем!

Впрочем, капитан гвардии уже показался из соседней комнаты, слышав в коридоре подозрительный шум.

– Что произошло, господин?

– Будем отваживать отсюда ехидну, – ответил граф. – Зови людей! Я не знаю, как поведет себя это существо, когда наестся стрел из двух луков. Надеюсь, что уйдет, но случиться может все что угодно – забор ветхий.

– А кто второй лучник? – спросил удивленно капитан, заметив у выходящего графского сына лук.

– Я, – кратко ответил Филипп.

Вскоре у деревянных ворот собрались вооруженные копьями и мечами гвардейцы. Все они встревоженно глядели то на частокол, будто испытывая его взором на крепость, то на местных жителей. Надев на лук тетиву, Лео вполз на единственную дозорную башню. Оттуда, как на ладони, виднелись затянутые густым туманом топи. Золотом в них горели трепыхающиеся огни – светлячки. Все остальное же: сосны, ивняк, ольха и пригорки, – тонуло в пелене, лишь едва просачиваясь темно-зелеными и черными очертаниями.

Леонард вслушивался, внюхивался, и его палец ласкал оперение стрелы. Между тем, на площадь выбежал грузный вождь городка Орл, впопыхах подвязывающий вокруг пуза зеленый кушак.

– Господин, что вы делаете? – проблеял он.

– Жду тварь, – холодно отозвался граф.

– Но на кой она вам? Поскребется ж о ворота... Да и уйдет с зарей.

– Не хочу расстраивать ее, оставляя голодной. Она ведь не просто так является сюда, да, вождь? – усмехнулся граф. – Верно, ее здесь ждут, как почетную гостью?

– Господин... что вы... – вождь затрясся.

– Что? Сегодня, пока мы здесь, ты разве не будешь являть ей свою милость, сталкивая люд с дозорной башни? Подо-

ждешь, пока мы уедем. Да? Не зря же другие попрятались по домам – запугал ты их до дрожи, что они тебя боятся пуще, чем своего владыку. А ну иди сюда! – и, достав меч из ножен, граф приставил его кончик к оплывшему горлу вождя. – Иди, залезай на башню!

– Господин, что вы творите же? О Ямес, пощадите меня... Люди! Люди! Спасите! – завопил не своим голосом вождь.

Капитан гвардии хотел уж было сделать шаг к Филиппу, чтобы помочь, но тот отмахнулся. Вспотевший вождь, покачивающийся от страха, засеменил к башне, откуда уже покошачьи спрыгнул Леонард.

– Залезай! – властно сказал граф.

Чувствуя на своих мягких телесах острую сталь, вождю ничего не оставалось, как покорно начать карабкаться по лестнице. Выше и выше. Под небольшую укрытую соломой крышу. Филипп карабкался следом, подгоняя уколами меча в зад. И их на протяжении всего подъема сопровождали пристальные взгляды как гвардейцев, так и простого люда.

Наконец они оказались наверху.

– А теперь что? – икнул вождь.

– Как что? Перелезай через стену и прыгай.

Граф показал мечом на землю за частоколом. Ну а вождь испуганно тарашился, пока очередной тычок острием меча не заставил его закинуть ногу за перила. Он медлил... Будто искал в себе силы... Но вместо этого он, выкатив глаза, вдруг в испуге вцепился в графа своими белыми ручищами, чтобы

выкинуть его вместо себя.

Все, кто наблюдал за происходящим, испуганно вскрикнули.

Однако же при всех своих внушительных размерах вождь не смог графа даже сдвинуть. Зато тот сам схватился за протянутые к нему руки, сжал их – отчего полный мужчина закричал. Пальцы у вождя захрустели, как мелкие каменья хрустят под подошвами... И Филипп вышвырнул его за стену, будто щенка. Тяжелое тело упало на землю с воплями, а затем и стонами – приземлившись, вождь Орла сломал еще и ногу. Граф выглянул за стену, удовлетворенно усмехнулся. Затем подозвал к себе сына, тот ловко взобрался по лестнице. Перед ними легли копья, колчаны были приставлены к перилам – и все принялись напряженно ожидать, вглядываясь в туманные топы.

Долго ждать не пришлось.

Через полчаса что-то тихо зашелестело, зашуршало, словно много змей разом поползли по земле. Люд этого не слышал, но чуткие вампиры прекрасно понимали – ехидна где-то рядом. Дрожащая Йева перевесилась через подоконник, а ее изумрудные глаза были распахнуты, как у напуганной лани. За спиной у графской дочери нервно шила Эметта, ссутулившись. «Она где-то рядом...» – шепнул Уильям стоящему подле него сэру Рэю. Лошади в конюшне захрипели, забили нервно копытами, и этот животный страх пролетел над всем городком, залетел в каждый дом. Уж не хуже ли

будет от нападения на нее, на Многоголовую? Жители судорожно дрожали, попрятавшись.

Филипп с сыном молча вглядывался в густой ночной туман, склонив свою седую голову. Молчал и вождь, прижавшийся к воротам, понимающий, что лишний шум только принесет скорую гибель. Он не слышал туман... Он не видел сквозь него. Черная безглазая змея показалась из пелены, заизвивалась по гнилой листве к ничего не замечающему мужчине. Она уже раскрыла пасть, усеянную двумя рядами острых зубов – как вдруг просвистела стрела. Стрела вошла аккуратно в оголовье. В тишине, – без визга, без шипения, – змея ударилась о землю, но потом что-то подняло ее над землей и утянуло обратно в болотную мглу.

Вождь это увидел и закричал.

И тут же из сизого тумана родились другие змеи без глаз, но всех их настигали стрелы. Одна голова... Две, десять, двадцать... Все они кидались в атаку одновременно, бесшумно. Только и успевали щелкать тетивы. Леонард стрелял без промаха и быстро, но даже он не мог угнаться за отцом, выпустившим по три стрелы, пока сын едва успевал отправить одну.

Вот очередная змея ударилась оземь, поднялась и исчезла в тумане. Над Орлом нависла тревожная тишина. Только шелестела за частоколом гнилая листва, да лошади неистовствовали в конюшнях. Еще в домах плакали малые дети, будто понимающие, что происходит, а вместе с ними плакал

у ворот и застрашанный толстый вождь. Вслушиваясь, Леонард обеспокоенно поворачивал голову, силился понять, что происходит в топях. Но тихо... Совсем тихо... А потом старый граф, побледнев, резко крикнул всем вниз:

– Обнажить мечи!

Теперь уж все услышали – что-то громадное волоклось к частоколу. Филипп выстрелил в сизый туман. Визг, нечеловеческий! Что-то возопило, да так, что следом испуганно возопили в городке и все бабы, а руки графа продолжали посылать стрелу за стрелой – и каждая настигала цель. Когда Леонард разглядел то, что явилось из тумана, он в ужасе вскрикнул. То был гигантский клубок шевелящихся гадов! Еще живые змеи прятали под собой что-то в середине, пока уже мертвые змеи выступали для ехидны щитом. Завидев свою смерть во плоти, вождь истошно завопил и принялся биться в ворота локтями, взывая к милости Ямеса. Между тем, ехидна уже сжалась пружиной. Она прыгнула вперед, и ее змееголовые конечности обвили вопящего мужчину. Хрустнули ломающиеся кости... Замолкнувшего мертвеца подняло к клубку, а плотно сжатые гады разомкнулись, отчего внутри показалось нечто белесое.

Сверкнуло острое копьё!

Сталь зло впиалась в белое тело ехидны, которое та открыла по неосторожности. Над Орлом разнесся истошный визг боли, ярости. Пока Филипп ухватился за следующее копьё, чтобы вновь поразить им цель, болотная тварь поняла

свою оплошность – спряталась за своими змеями. Часть змей устремились через частокол, поползли по нему ввысь. Перевесившись, они широко раскрыли пасти прямо напротив дозорной башни.

Тогда граф схватил застывшего от испуга сына за шиворот, скинул его к гвардейцам. Сам он быстрым движением извлек меч. Увернувшись от атаки одного гада, он отрубил тому зубастую голову. Затем вторая голова, третья, четвертая... Сталь без устали рассекала мягкую плоть, которая падала к ногам графа и свирепо щелкала пастью в пустоту. Вновь визг. Последний... И наступило безмолвие; только шелестела старая листва. Ехидна отхлынула от покосившегося частокола, перестав налегать на него, и бесшумно вернулась в стену тумана, унося с собой труп вождя.

Над городом повисла тишина.

Все вокруг стояли с распахнутыми ртами и с благоговением смотрели на Филиппа. Тот ловко спустился со сторожевой башни и подошел к своему сыну.

– Ничего не сломал? – поинтересовался он.

– Нет, – ответил Леонардо.

Граф кивнул, развернулся и подошел к одной из отрубленных голов, что извивалась у подножия башни. Обрубок продолжал шевелиться, прыгать по земле и щелкать зубами. Попросив принести огонь, Филипп с интересом рассмотрел отрубленную конечность, служившую ехидне и рукой, и ногой, и оружием, а затем поднес к ней пылающий. Пламя быст-

ро занялось. Зашипело, паленый смрад разнесся в воздухе. Обрубок судорожно дернулся – и сжался в клубок, иссыхая на глазах.

– Боится огня... – прошептал граф Тастемара сам себе. – Значит, это все-таки пожар в болотах выгнал ее и сестер с их охотничьих угодий.

– Господин, – спросил сэр Рэй, – что дальше?

– Сожгите остальные головы. Затем выставьте дозорных и можете идти отдыхать, – ответил Филипп, пряча свой клинок в ножны. – Нам повезло, что эта тварь оказалась куда меньше и неопытнее, чем я думал... Почти детеныш...

– Детеныш?! – воскликнул пораженный рыцарь. – О, Ямес...

– Да, сэр Рэй. Если бы это была матерая, большая ехидна, похожая на ту, что мы встретили у полноводной реки, то она бы не стала довольствоваться подачками вождя. Мы бы обнаружили здесь лишь пустое поселение с поваленным забором. Но, на счастье местных, здесь для такой опасной твари слишком мелко.

После этих слов Филипп повернулся к перепуганному лоду.

– Я разжаловал вашего вождя! Так что выбирайте другого, из более понятливых, и чтобы утром он уже стоял передо мной. Ясно?

Все закивали, соглашаясь. Тогда граф развернулся к своему сыну и, поблагодарив его, отправился к постоялому дво-

ру, где и придремнул спокойно. Будто и не было страшного побоища с демонической тварью... Будто все произошедшее – мелочи жизни. Ну а обрадованный Леонардо, наконец-то почувствовавший свою значимость, тоже вернулся к себе в комнату, где его уже ждала Эметта.

* * *

Графа Тастемара проводили восхищенным взглядом.

– Нет, ну вы видели. Видели!? – обратился капитан к рыбаку. – Никогда бы не подумал, что наш лорд на такое способен.

– Да, наш граф – удивительный... человек.

Между тем, Уильям отвечал постольку-поскольку, а сам поглядывал в сторону постоянного двора. Оттуда, высунувшись из окна, тоже на него глядела Йева, которая ласково улыбалась.

– Признаться, я после случившегося бы поел! Быть может, вы все-таки разбавите мой отряд чересчур веселых ребят своим редкостным занудством? – продолжил, рассмеявшись, сэр Рэй.

– Нет, прошу простить, но я, пожалуй, отдохну...

– Ваше дело. Но не ждите меня до полуночи – мы с моими гвардейцами будем праздновать головокружительную победу! Знатная баллада выйдет, ох знатная! «Победа над Многоголовой»! Нет, лучше «Свержение великой Многоголовой»!

И, обнажив в улыбке белоснежные зубы, что для мужчин его лет было редкостью, сэр Рэй бодрым шагом направился напрямик в сторону таверны, дабы как следует отметить. Впрочем, победа была лишь поводом еще раз напиться – пиво в Орле оказалось отменным.

А Уильям же, завидев нежный взгляд девушки, сразу все понял. Он взлетел по ступенькам на второй этаж, словно птица. Его комната была с краю, в то время как графская находилась у лестницы. И в этом, как и в том, что капитан ушел пить, рыбак усмотрел единственную за все путешествие возможность уединиться с Йевой. Та уже стояла в коридоре, глядела из мрака большими изумрудными глазами, сама при этом напоминая ребенка: до того худенькая, как струна.

Их взгляды встретились. Уилл взял ее за руку, горячо поцеловал.

Не успела закрыться за ними дверь, как его руки потянулись к завязкам платья, стали порывисто их распутывать. А еще чуть погодя графская дочь в каком-то волнении трогательно прижималась к нему, и он целовал ее, гладил по белой спине.

– Я тоже по тебе соскучилась, – шепнула девушка.
– Знала бы ты, как тяжело не смотреть на тебя, молчать.
– Я из-за этого уже тоже возненавидела походы, – вздохнула Йева и положила ему на грудь голову. – Каждое твое слово, каждый твой взгляд становится поводом для пересу-

дов. А потом кости моют меж собой. Брр-р...

– Ничего не поделать, приходится терпеть, – улыбнулся Уилл, поглаживая ее по медным волосам. – Интересно, та ехидна еще вернется сюда?

– Не знаю. Отец ее, похоже, сильно ранил.

– Но не убил, – заметил рыбак.

– Не убил, да. Зато мог отбить всякое желание являться сюда за едой... Знаешь, Уилл. А ведь отец не всегда сидел в замке, погрузившись в отчеты да аудиенции. Столетия назад, с его слов, якобы любил путешествовать по Солрагу, многое повидал. А знаешь, сколько он участвовал в сражениях? Как часто Глеоф пытались покуситься на графство? И ты думаешь, что отец позволил им? Знаешь, он даже рассказывал случай, когда к нему на выручку в гущу сражения кинулся Гиффард. Думал, что отцу грозит беда... – и она улыбнулась. – И бедного старика Гиффарда затоптали насмерть, отчего уже моему отцу пришлось выносить его тело – а на отце не было ни царапины. Так что мне кажется, отгоняя ехидну, он знал, что она уже не вернется... Побойтся...

Сквозняк задувал через полуоткрытые ставни. Йева, лежа в постели, почувствовала, как сквозняк скользнул холодом по ее спине, худым плечам. И в тот момент, когда он привстала, дверь отворилась – и в комнату ввалился обозленный сэр Рэй.

– Нет, ну представляете! Пожрать они, значит, дали, а вот мест, чтоб отметить, у них нет! Видите ли, вся деревня со-

бравась там на голосование. Вождя, гады, выбирают!

Уже дойдя до середины комнаты бравым тяжелым шагом, который он желал сделать пьяным, да вот не вышло, возмущающийся капитан понял – что-то не то. Замерев, он устался на кровать, где стало подозрительно тихо. И увидел, что на него в полутьме глядит своими зелеными глазками сама графская дочь: обнаженная, укрытая копной струящихся длинных волос, из которых торчат только ее острые плечики. От удивления сэр Рэй даже икнул. Раздумывая, уж не ошибся ли он комнатой и что с ним за такое сотворит господин, только тогда он заметил и позади Уильяма, который тут же накинул на покрасневшую девушку одеяло. Значит, не ошибся.

– Понял... Зайду позже, – и капитан пошел прочь. Впрочем, он все-таки обернулся еще раз.

Долго расхаживая по конюшне, находя успокоение среди знакомых ему запахов железа, пота и лошадей, он, в конце концов, вернулся. Йевы уже не было... В комнате будто бы дремал Уильям. Впрочем, глаза того тут же открылись, стоило капитану тяжело присесть на скрипнувшую кровать. Они оба поглядели друг на друга, и капитан отвел взор. Ему вспомнились графская дочь, ее жемчужное нагое тело, которое отчего-то этой ночью принадлежало рыбаку.

Не обронив ни слова, мужчины улеглись спать.

– Кхм... Уильям, – все-таки сказал капитан, вздохнув. Ему тяжело давалось промолчать. – Вы ж не забудьте про Та-

рантона. Хорошо?

– Не забуду. Кхм, сегодня из-за ехидны не смог добраться до воды.

– Да-да, понимаю. Благодарю.

Они снова замолчали.

– И извините... за то, что помешал, – добавил капитан.

– Ни к чему извинения, – ответил Уильям. – Нас не должно было быть здесь. Поход – не место для проявлений чувств.

– Да бросьте, – и тут капитан не выдержал, сел в кровати, опустив ноги в теплых шосссах на пол. – Вам ведь тоже не чужды человеческие чувства, правда?

– О чем вы?

– Вы знаете, о чем я, – прошептал капитан. – Уже третье поколение моей семьи служит Тастемара. Это мы привозим смертников в замок Брасо-Дэнто, где они бесследно и исчезают. Графские дети – мои ровесники, нам почти по сорок лет, но они до сих пор выглядят на два десятка. Так что я догадываюсь, кто и вы...

Уильям промолчал, пока капитан щурился в темноте, сясь разглядеть силуэт напротив себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.